

ДАНТЕ.

Фамилія, изъ которой произошелъ Данте, не принадлежала къ числу великихъ флорентинскихъ фамилій, но тѣмъ не менѣе самъ онъ смотрѣлъ на ея прошлое съ извѣстной гордостью. Одному изъ своихъ предковъ онъ воздвигъ прекрасный памятникъ въ «Божественной Комедіи»; это—Каччагвида, душу котораго онъ встрѣчаетъ на планетѣ Марсъ въ 15 й пѣснѣ Paradiso. Онъ участвовалъ въ крестовомъ походѣ 1147-го года, былъ съ войсками Конрада III въ Святой Землѣ, былъ возведенъ императоромъ въ рыцарское достоинство и палъ тамъ. Супруга его, какъ говоритъ онъ, была родомъ изъ долины По; она была Алигieri или Альдигieri, вѣроятно изъ Феррары; ея фамильнымъ именемъ онъ назвалъ своего сына Алагiero, и это имя Алагieri или Алигieri позднѣе перешло на всю фамилію. Сынъ того Алагiero назывался Беллинчione; отъ этого послѣдняго родился второй Алагiero, бывший отцомъ Данте. Его мать Белла, изъ дома не пользовавшаяся извѣстностью, была первой изъ двухъ женъ Алагiero, ибо Данте въ граматахъ всегда упоминается раньше своего брата Франческо, сына второй жены Алагiero, по имени Лапа Чіалуффи, слѣдовательно онъ былъ старше; такимъ образомъ онъ потерялъ свою мать, вѣроятно, очень рано. Предки Данте принадлежали къ гвельфской партіи и вынуждены были вмѣстѣ съ ней дважды покидать городъ втеченіи 13-го столѣтія, въ 1249-мъ году, когда на помощь къ гибеллинамъ пришелъ сынъ императора Фридриха II, Фридрихъ Антиохійскій, и въ 1260-мъ году послѣ битвы при Монтеапerti. Во второй разъ гвельфы вернулись во Флоренцію лишь вначалѣ 1267-го года. Но или отецъ Данте, Алагiero, будучи еще можетъ быть слишкомъ молодымъ и потому не опаснымъ, не былъ изгнанъ въ 1260-мъ году, или ему раньше дали возможность возвратиться, или Донна Белла одна вернулась домой ранѣе, какъ бы то ни было, указанія самого

поэта и свидѣтельства старѣйшихъ біографовъ твердо устанавливаютъ тотъ фактъ, что Данте родился во Флоренціи въ 1265-мъ году и былъ крещенъ въ С. Джіованни. О первыхъ ступеняхъ его образованія мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній. Со времени Боккаччіо его учителемъ называли Брунетто Латини, и этотъ взглядъ имѣетъ своимъ началомъ прекрасные стихи, исполненные преклоненія и почтительной благодарности, которые Данте посвятилъ Брунетто въ «Божественной Комедіи» (*Inferno*, XV, 82). Они, правда, не оставляютъ никакого сомнѣнія насчетъ того, что авторъ «Trésor» оказалъ значительное вліяніе на духовное развитіе Данте; онъ, очевидно, былъ для него старшимъ другомъ, помогаль молодому человѣку совѣтами и указаніями, поддерживалъ и ободрялъ его въ занятіяхъ, но не былъ учителемъ въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова. Такой человѣкъ, какъ Брунетто Латини, игравшій роль въ тогдашней государственной жизни и бывшій секретаремъ республики, не могъ имѣть во Флоренціи общественную школу или регулярно заниматься частнымъ обученіемъ. Впрочемъ, мы совершенно не знаемъ, когда именно сложились эти дружескія отношенія между Данте и Брунетто, и весьма возможно, что этотъ послѣдній принадлежалъ къ числу *Filosofanti*, диспуты которыхъ поэтъ посѣщалъ послѣ 1291-го года (*Convivio*, II, 13).

Около конца 80-ыхъ годовъ Данте участвовалъ въ различныхъ воинственныхъ предпріятіяхъ своего родного города. Въ 1288-мъ году онъ, повидимому, участвовалъ въ набѣгахъ флорентинцевъ на гибеллинскую территорію Ареццо, а въ побѣдной битвѣ противъ аретинцевъ при Кампальдино (11-го іюня 1289-го года) онъ сражался, верхомъ на лошади, въ первыхъ рядахъ флорентинцевъ, о чемъ свидѣлствуютъ слова Леонардо Аретино, который ссылается при этомъ на письмо Данте, теперь утраченное; въ томъ же году онъ былъ при взятіи у пизанцевъ капронской крѣпости, какъ это видно изъ одного мѣста въ «Божественной Комедіи» (*Inferno*, XXI, 95).

Великимъ событіемъ въ юности Данте является его любовь; Беатриче представляетъ изъ себя фигуру, которая господствуетъ надъ всѣмъ и наполняетъ собою всю его жизнь. Онъ увидалъ ее впервые, когда они оба еще были дѣтьми, онъ — девяти лѣтъ, она — восьми. Она явилась ему «облеченная въ благороднѣйшій цвѣтъ, въ пурпуръ, опоясанная и нарядная, какъ это приличествовало ея юному возрасту». И его жизненные силы начинаютъ горячо трепетать; ибо онъ нашель того, кто долженъ надъ ними господствовать. Съ той поры онъ чувствуетъ влеченіе отыскивать то мѣсто, гдѣ онъ можетъ видѣть этого юнаго дѣвственнаго ангела, *quest' angiola giovanissima*. Однажды, по истеченіи другихъ девяти лѣтъ послѣ первой встрѣчи, она явилась ему снова, въ одѣяніи чистѣйшей бѣлизны, сопровождаемая двумя женщинами. и, «проходя по улицѣ, она обратила взоръ свой... и въ силу своей неизрѣченной милости... она привѣтствовала его такъ добродѣ-

тельно, что онъ, какъ показалось ему, узрѣлъ высшую степень блаженства». Въ первый разъ тогда до слуха его коснулся ея голосъ, наполнившій его такою нѣгой, что онъ, какъ опьяненный, бѣжалъ изъ людской толпы въ одиночество своей комнатки. Онъ задремалъ и увидѣлъ сонъ; пробудившись, онъ описываетъ его въ стихахъ, и такимъ образомъ создается первый сонетъ Данте:

A ciascun' alma presa e gentil core,

Nel cui cospetto viene il dir presente,

A ciò che mi riscrivan suo parvente,

Salute in lor signor, cioè Amore.

Già eran quasi ch' atterzate l'ore

Del tempo che ogni stella è più lucente,

Quando m'apparve Amor subitamente,

Cui essenza membrar mi dà orrore.

Allegro mi sembrava Amor, tenendo

Mio core in mano, e nelle braccia avea

Madonna involta in un drappo, dormendo.

Poi la svegliava, e d'esto core ardendo

Lei paventosa umilmente pascea:

Appresso gir ne lo vedea piangendo.

Всѣмъ, чья душа въ плѣну, чье сердце благородно.

Кто эту пѣснь прочтеть и дать мнѣ свой отвѣтъ,

Всѣмъ, чье сужденіе ко мнѣ придетъ свободно,

Во имя ихъ царя, Аморе, шлю привѣтъ.

Ужь треть прошла тѣхъ лѣтъ, ничѣмъ не возмущенныхъ,

Когда свѣтлый всего сіянье звѣздъ горитъ,

Какъ вдругъ явился мнѣ веселый богъ влюбленныхъ,

Лишь вспомню я о немъ—и въ страхъ умъ дрожить.

Онъ сердце несъ мое,—и, скрытую покровомъ,

Мадонну спящую въ объятіяхъ держалъ,

И, разбудивъ ее какимъ-то нѣжнымъ словомъ,

Отъ сердца пылкаго онъ ей отвѣдать далъ.

И только что она вкусила, содрагаясь,

Аморе прочь ушелъ, слезами обливаясь.

Стихотвореніе обращается къ любящимъ, т.е. къ поэтамъ, причѣмъ оно требуетъ объясненія. Въ этихъ стихахъ, написанныхъ восемнадцатилѣтнимъ Данте, передъ нами—аллегорія въ формѣ видѣнія, символически изображенный психологическій процессъ: Аморе, угощающій возлюбленную сердцемъ поэта, образъ, кажущійся намъ страннымъ, но исполненный значительности, богатый вложенной въ него идеей. Во всемъ этомъ мы видимъ опять поэтическую манеру новой флорентинской школы, и потому весьма понятно, что какой-нибудь Данте да Майано, представитель старой провавсализированной манеры, отнесся къ сонету враждебно и отвѣтилъ на него грязно и насмѣшливо, въ то время какъ Гвидо Кавальканти сердечно привѣтствовалъ молодого поэта и остался съ той поры излюбленнымъ изъ его друзей.

Данте самъ разсказалъ намъ о своей любви въ небольшой книгѣ, озаглавленной *La Vita Nuova* (Новая Жизнь); это прозаическій рассказъ, въ который вставлены стихотворенія, возникшія благодаря описываемымъ здѣсь ощущеніямъ и находящія въ рассказѣ свое объясненіе. *Новая жизнь* началась для поэта съ первымъ лучомъ любви. Любовь Данте воздушная, чистая, высоко вознесшаяся надъ чувственностью. Возлюбленная является оживотвореннымъ идеаломъ, чѣмъ-то божественнымъ, спешшимъ съ неба, чтобы сообщить міру лучъ райскаго сіянія. Она является ему облеченной «въ благороднѣйшій цвѣтъ», облеченной «въ цвѣтъ чистѣйшей бѣлизны»—это, дѣйствительно, какое-то видѣніе, нѣчто высшее, писшедшее къ поэту. Въ самомъ началѣ мы видимъ *quell' angiola giovanissima*, потомъ всегда *quella gentilissima*; только время отъ времени онъ рѣшается называть ее собственнымъ ея именемъ Беатриче, но даже и это имя исполнено высокаго смысла; она—благословенная, она распространяетъ вокругъ себя блаженство (*la beatitudine*).

Исторія любви Данте чрезвычайно простая. Всѣ внѣшніе факты крайне безхитростны; она проходитъ мимо него по улицѣ и привѣтствуетъ его; онъ видитъ ее съ другими женщинами на свадебномъ пиршествѣ, и она насмѣхается надъ нимъ; онъ узнаетъ отъ женщинъ, что она скорбитъ по поводу смерти своего отца. Таковы событія; но они имѣютъ важное значеніе для сердца поэта, который исполненъ обожанія. Это глубоко правдивая исторія искреннихъ чувствъ, поразительная по своей нѣжности и неподдѣльной религіозности; въяніе этого чистаго культа сообщается и намъ, такъ что онъ не кажется намъ чрезмѣрнымъ.

Эта любовь, въ высшей степени цѣломудренная, отличается робостью; она бѣжитъ чужихъ глазъ и долгое время остается тайной. Боязнь профанировать священные чувства, если они откроются чужимъ взорамъ, до такой степени велика, что поэтъ, тамъ гдѣ онъ не можетъ вполне скрыть внутренній пылъ, заставляетъ думать, что причиной этого пыла является другая. Дважды встрѣчаетъ онъ прекрасную донну, которая служитъ ему какъ бы защитой; при встрѣчѣ онъ обращаетъ къ ней свои взоры; къ ней, для видимости, обращены его стихи; блескъ самой божественности не дозволяетъ ему смотрѣть на Беатриче; ея присутствіе ослѣпляетъ и смущаетъ его, почти лишаетъ его чувствъ. Но во второй разъ онъ заводитъ притворство такъ далеко, что всѣ вѣрятъ ему, вмѣстѣ со всѣми и Беатриче, которая, проходя мимо, не отвѣчаетъ на его привѣтствіе.

Тонъ всего изложенія отличается торжественностью, почти религіозностью. Поэтъ охотно примѣняетъ къ собственнымъ ощущеніямъ библейскія слова. *O voi che per la via d'amor passate, Attendete e guardate, s'egli è dolore alcun quanto il mio grave* (О, вы, идущіе дорогою любви, взгляните, есть-ли скорбь сильнѣй моей печали)—эти горькія

слова сонета являются повторением словъ пророка Іереміи: *O vos omnes qui transitis per viam, attendite et videte, si est dolor sicut dolor meus. — Quomodo sedet sola civitas plena populo!* (Какъ этотъ многолюдный городъ опустѣлъ!) восклицаетъ онъ вмѣстѣ съ тѣмъ же пророкомъ, послѣ смерти Беатриче; ея кончина, описанная въ видѣніи, исполненномъ предчувствій (сар. 23), сопровождается стихійными коллизіями, подобно кончинѣ Іисуса Христа. Обстоятельства здѣсь не могутъ быть изображены языкомъ повседневной жизни; выраженія должны привести насъ въ состояніе, гармонирующее съ благородствомъ сюжета, или скорѣй торжественность выраженія логически связана съ торжественнымъ настроениемъ поэта. Таково, напр., начало разсказа: «Уже девять разъ, послѣ моего рожденія, небо свѣта (т. е. солнце) возвращалось почти къ одной и той же точкѣ, касательно своего вращенія, когда впервые предъ моими глазами предстала властительница моего духа, которую многіе называли Беатриче, сами не зная, что они говорили этимъ названіемъ», т. е., что она дѣйствительно Беатриче, благословенная подательница блаженства. Или возьмемъ для примѣра слѣдующій отрывокъ (сар. 5): «Случилось однажды, что эта благороднѣйшая сидѣла тамъ, гдѣ слышались слова Царицы Славы (Маріи), и я находился въ такомъ мѣстѣ, откуда могъ видѣть мое блаженство»... Поэтъ избѣгаетъ простого обозначенія какой-нибудь вещи, ибо оно кажется ему слишкомъ будничнымъ, и употребляетъ вмѣсто него описательный оборотъ. Городъ нигдѣ не называется Флоренціей; онъ обозначается, какъ «городъ, въ которой была послана Всевышнимъ моя властительница» (сар. 6) или какъ «городъ, гдѣ родилась, жила и скончалась благороднѣйшая женщина, *la gentilissima donna*, (сар. 41). Братъ Беатриче называется не прямо, какъ таковой, но обозначается слѣдующимъ образомъ (сар. 33): «И онъ былъ такъ тѣсно связанъ кровными узами съ этой славнѣйшей, что никто не былъ ей ближе». Такой способъ изложенія не хочетъ снизойти до описанія предметовъ; онъ только слегка очерчиваетъ ихъ самыми общими штрихами. Беатриче очень часто прославляется; возносятся хвалы ея глазамъ, ея улыбкѣ, ея устамъ; но рѣчь идетъ не о внѣшнемъ видѣ, а о дѣйствиіи, оказываемомъ всѣмъ этимъ. Объ обстановкѣ, окружающей возлюбленную, о мѣстахъ, о людяхъ, мы получаемъ лишь самыя скудныя, бѣглыя указанія. Передъ нами — существованіе, лежащее совершенно за предѣлами реальныхъ интересовъ; эти послѣдніе время отъ времени появляются какъ бы въ отдаленіи, но только для того, чтобы дать импульсъ богатой внутренней жизни. Событія, для опредѣленія своей относительной важности, пользуются здѣсь совершенно инымъ масштабомъ, чѣмъ въ обычной жизни.

Беатриче — идеалъ платонической любви; чувство, возбуждаемое ею и къ ней устремленное, есть дорога къ добродѣтели, къ Богу. «Если она гдѣ-нибудь появлялась», говоритъ Данте (сар. 11), я, въ силу

надежды на ея чудесное привѣтствіе, не видѣль ни одного врага въ цѣломъ мірѣ, напротивъ, меня охватывалъ такой огонь любви къ ближнимъ, что я прощалъ каждому, кто только могъ меня когда-либо оскорбить, и если-бы кто спросилъ меня о чемъ-нибудь, мое лицо исполнилось бы смиренія и у меня былъ бы только одинъ отвѣтъ: «любовь». Она распространяетъ вокругъ себя какъ бы атмосферу чистоты; куда она ни появится, всѣ обращаютъ къ ней свои взоры; кого она привѣтствуетъ, у того дрожитъ сердце, онъ склоняетъ свое лицо и вздыхаетъ о своихъ прегрѣшеніяхъ; гнѣвъ и ненависть бѣгутъ отъ ея лица, ничто низкое не можетъ выносить ея присутствія, и женщины, ея сопровождающія, являются очаровательными и добродѣтельными, будучи озарены ея блескомъ. Беатриче болѣе ангелъ, нежели женщина; ей не присуще ничто земное, она ничѣмъ не прикосновенна интересамъ земнаго бытія; какъ бы подъятая ангельскими крылами, она легко паритъ въ этой жизни, пока опять не ускользаетъ въ міръ иной, откуда она пришла. Предчувствіе ея смерти проходитъ черезъ весь рассказъ, съ перваго сонета. Ангелы томятся по ней, и только жалость Господня можетъ на нѣкоторое время отринуть ихъ желаніе, въ утѣшеніе міра и любящихъ.

Какова же цѣль любящаго, чего онъ хочетъ? Не обладанія. Какъ можно обладать тѣмъ, что не считаешь земнымъ? Тѣ, которые спрашиваютъ, почему поэтъ не женился на Беатриче, плохо понимаютъ его чувство. Видѣть ее, получить отъ нея привѣтствіе, — вотъ все, чего онъ страстно хочетъ, въ чемъ онъ ищетъ удовлетворенія своихъ желаній; и когда она отказываетъ ему въ привѣтствіи, онъ полагаетъ свое счастье въ размысленіи и въ хвалахъ ея добродѣтели: «Съ какой цѣлью любишь ты свою донну, разъ ты не можешь выносить ея присутствія?» спрашиваютъ его женщины (сар. 18), и онъ отвѣчаетъ: «Цѣлью моей любви было раньше — получить привѣтствіе отъ этой донны... и въ этомъ состояло блаженство и цѣль всѣхъ моихъ желаній. Но такъ какъ ей не было угодно даровать мнѣ его, мой повелитель Амоге, милостью своей, положилъ все мое блаженство въ томъ, что не можетъ быть у меня отнято». И, будучи спрошенъ, что же это такое, онъ говоритъ: «Это — слова, которыя восхваляютъ мою повелительницу». Отвѣчаетъ-ли она на его чувства, объ этомъ не говорится ни слова; дѣлается лишь слабое указаніе на то, что она знала о нихъ. Божество не испытываетъ никакой страсти; достаточно того, что поэтъ можетъ молиться ему. Фантазія, правда, увлекаетъ его однажды, и ему грезится сказочное блаженство, счастливая возможность быть вмѣстѣ съ возлюбленной, въ лодкѣ, въ уединеніи морскомъ, вдали отъ помѣхъ холоднаго міра, въ сопровожденіи лишь самыхъ дорогихъ друзей. Изъ этого настроенія возникъ сонетъ: *Guido, vorrei che tu e Larò ed io*; но какъ разъ это прекрасное стихотвореніе, въ которомъ единственный разъ передъ нами разрывается мисти-

ческой покровъ, и возлюбленная представляется близкой, желаемой, выключено поэтомъ изъ собранія стихотвореній, относящихся къ Vita Nuova, ибо оно было бы нарушеніемъ общаго тона.

Беатриче въ своемъ крайнемъ совершенствѣ, представляетъ изъ себя идеаль той духовной любви, которая уже раньше прославлялась въ стихахъ Гвидо Гвиничелли и Гвидо Кавальканти. Первымъ своимъ сонетомъ Данте примкнулъ къ новой флорентинской школѣ поэтовъ, къ школѣ *dolce stil nuovo*; написавъ первое болѣе значительное стихотвореніе, канцону *Donne che avete intelletto d'amore*, онъ занялъ въ этой школѣ видное, подобающее ему, мѣсто. Большаго новшества мы еще здѣсь не видимъ, и Данте врядъ ли хотѣлъ его себѣ приписать, влагая въ уста Буонаджіунта Урбичіана въ *Purgatorio* (XXIV, 49) слѣдующія слова:

Ma di' s'io veggio qui colui che fuore

Trasse le nuove rime cominciando:

Donne, ch'avete intelletto d'amore ¹⁾.

Условности школы мы видимъ и у Данте. Мы опять видимъ Amore, влестителя души, видимъ самую душу, какъ абстракцію и олицетвореніе, въ качествѣ олицетвореній являются также скорбь и смерть. Психологическіе процессы изображены соотвѣтственно съ традиционными пріемами, т. е. они являются не какъ таковые, не какъ внутренніе, но вынесены во внѣ, символизированы. Духи жизни, духи любви и мысли проходятъ, умоляютъ, говорятъ, борются другъ съ другомъ совершенно внѣшнимъ образомъ. Душа говоритъ со смертью, жалуется на нее, какъ на личность, которой вмѣстѣ съ тѣмъ присоединяются всевозможныя индивидуальныя качества; отходящая душа обнимаетъ духовъ, которые плачутъ, разлучаясь съ ней (канцона *E'm'incresce di me sì duramente*). Если мы хотимъ вполне опредѣлить связь лирики Данте съ поэтической манерой, пришедшей изъ Болоньи, намъ стоитъ только прочесть сонетъ о происхожденіи любви (*Vita Nuova cap. 20*). Къ Данте также обратился одинъ изъ друзей съ знаменитой проблемой, и онъ отвѣчалъ слѣдующимъ образомъ:

Amore e' l' cor gentil sono una cosa,

Si come' l' Saggio in suo dittato pone;

E così esser l'un senza l'altro osa,

Com'alma razional senza ragione.

Fagli Natura, quando è amorosa,

Amor per sire e' l' cor per sua magione,

Dentro allo qual dormendo si riposa

Tal volta brieve e tal lunga stagione.

¹⁾ Но скажи мнѣ, не того ли я вижу, кто создалъ новыя пѣсни, начавъ такъ: *О, женщины, постигшія сущность любви.*

Beltate appare in saggia donna poi,
Che piace agli occhi sì che dentro al core
Nasce un disio della cosa piacente.
E tanto dura talora in costui
Che fa svegliar lo spirito d'amore,
E simil face in donna uomo valente ¹⁾.

Здѣсь достопримѣчательно изящество формы, извѣстная живость образа, превращающая абстрактный сюжетъ какъ бы въ небольшую драму. Но самая мысль находится въ полномъ соотвѣтствіи съ духомъ школы; мудрецъ, о которомъ упоминается въ сонетѣ, есть никто иной какъ Гвидо Гвиничелли, стихотвореніе, на которое дѣлается намекъ, есть канцона *Amore e cor gentile*. Изъ этой послѣдней Данте заимствовалъ идею, что благородное сердце не можетъ быть безъ любви и любовь не можетъ быть безъ благороднаго сердца; остальное есть старая теорія о зрѣніи и удовольствіи, такъ что Данте, отвѣчая на вопросъ, не выказалъ большаго глубокомыслія, чѣмъ столь многіе другіе.

Данте сходилъ съ своими предшественниками въ способѣ мышленія, въ теоретическихъ взглядахъ на сущность и характеръ поэзіи, въ своемъ пониманіи любви, во всѣхъ поэтическихъ приемахъ. Его отличала и возвышала надъ ними большая сила его высокаго поэтическаго дарованія. Онъ не создалъ языкъ, но, пользуясь имъ, онъ выказалъ такую силу, какъ никто до него; онъ разрабатываетъ тѣ же сюжеты и такимъ же образомъ; но они получаютъ новую свѣжесть и самобытность, благодаря глубинѣ чувства; онъ вращается среди обычныхъ формъ; но содержаніе является чѣмъ-то изъ пережитаго, исходитъ изъ самаго сердца и часто облекается въ выраженіе, отличающееся чарующей нѣжностью и сердечностью. Въ упомянутыхъ стихахъ *Purgatorio* онъ указываетъ на непосредственное вдохновеніе, проистекающее изъ чувства, какъ на отличительную черту своей лирики.

Въ балладѣ *Io mi son pargoletta bella e puova*, не принадлежащей къ собранію стихотвореній *Vita Nuova*, но относящейся безъ сомнѣнія къ Беатриче, нѣжный и воздушный образъ возлюбленной исполненъ глубокой сердечности и, при всей своей идеальности, согрѣтъ истиннымъ пылкимъ чувствомъ. Этотъ образъ возлюбленной чистъ и святъ.

1) *Amore* и благородное сердце — одно и тоже, какъ говорить въ своемъ стихотвореніи мудрецъ; и одно такъ же не можетъ обойтись безъ другого, какъ разумная душа безъ разума. Природа создаетъ ихъ, когда она любвеобильна, *Amore* она дѣлаетъ поводителемъ, а сердце его обиталищемъ, гдѣ онъ дремлетъ спокойно, иногда малое время, иногда продолжительное. Затѣмъ является красота въ видѣ добродѣтельной женщины, которая нравится взорамъ, такъ что внутри въ сердцѣ возникаетъ желаніе обладать тѣмъ, что привлекательно. Иногда такъ долго это продолжается въ немъ, что пробуждается духъ любви, и то же самое бываетъ въ женщинѣ по отношенію къ достойному мужчинѣ.

какъ образъ Мадонны и въ то же время отличается граціозной наивностью, почти дѣтскимъ характеромъ. Она ангельскій, спешій съ неба, куда скоро вернется; но она хочетъ прежде показать намъ лучъ своего сіянія, лучъ небснаго обиталища, откуда она пришла. Въ ея глазахъ свѣтятъ всѣ силы созвѣздій; ни одного изъ очарованій не лишилъ ее Творецъ, когда онъ посылалъ ее въ міръ. И она наслаждается своей красотой и чистотой и сообщаетъ ихъ другимъ; она улыбается, и улыбкой говоритъ о своей родинѣ, объ Эдемѣ.

Качества, описываемыя поэтомъ при восхваленіи возлюбленной, тѣ же самыя, которыя регулярно воспѣвались, начиная съ Гвиничелли. Однако это отнюдь не повтореніе общихъ мѣстъ; это прославленіе проникнуто глубоко-прочувствованнымъ энтузіазмомъ, вызвавшимъ самыя пышныя цвѣты итальянской лирики, сонеты: *Nelli occhi porta la mia donna amore, Vede perfettamente ogni salute* и въ особенности слѣдующій:

Tanto gentile e tanto onesta pare
La donna mia, quand'ella altrui saluta,
Ch'ogni lingua divien tremando muta,
E gli occhi non l'ardiscon di guardare.

Ella sen va sentendosi laudare,
Benignamente d'umtità vestuta,
E par che sia, una cosa venuta
Di cielo in terra a miracol mostrare.

Mostrasi sì piacente a chi la mira,
Che dà per gli occhi una dolcezza al core,
Che 'ntender non la può chi non la prova.

E par che della sua labbia si muova
Un spirito soave pien d'amore,
Che va dicendo all'anima: sospira 1).

Въ этомъ вздохѣ души идеализованное ощущеніе нашло свое истинное выраженіе; возлюбленная является преображенной, но она отнюдь не абстракція; идеаль не расторгимъ съ конкретнымъ образомъ красоты, въ которомъ онъ воплотился. Мы видимъ ее украшенной всѣми чарами изящества и добродѣтели.

Первое стихотвореніе Данте было видѣніемъ; таковымъ же является его послѣдняя великая поэма. Но въ *Vita Nuova* видѣнія во-

1) Такой благородной, такой скромной является моя повелительница, когда она кого-нибудь привѣтствуетъ, что голосъ каждаго смолкаетъ и глаза не смѣютъ на нее смотрѣть. Она проходитъ, слыша хвалы себѣ, осіянная кроткимъ смиреніемъ, и кажется существомъ спешимъ съ небесъ на землю, чтобы показать чудо. Такой очаровательной представляется она тому, кто на нее смотреть, что черезъ глаза проникаетъ въ сердце сладкая нѣга, которой не понять тому, кто ее не испытываетъ. И чудится, что съ устъ ея нисходитъ нѣжный духъ, исполненный любви, который говоритъ душѣ: „Вздыхай“. — Впрочемъ, могла существовать связь между этимъ сонетомъ и стихотвореніемъ Гвидо Кавальканти: *Chi è quella che vien.*

обще играютъ большую роль; сонъ считался въ средніе вѣка исполненнымъ значенія, пророческимъ; онъ явился подходящей формой для ощущенія предчувствія, которое стремится проникнуть въ нездѣшній міръ. Подобное видѣніе описано въ той канцонѣ, которая вполне справедливо считается лучшимъ стихотвореніемъ въ этомъ первомъ собраніи лирическихъ стихотвореній Данте. Она начинается словами: *Donna pietosa e di novella etade*. Скорбь освобождаетъ поэзію отъ всякихъ условностей. Однажды, когда поэтъ самъ былъ боленъ, ему приходитъ мысль, что и Беатриче умретъ, что онъ утратитъ ее, и тутъ онъ засыпаетъ, и ему снится, что она дѣйствительно умерла. Онъ видитъ женщину, которая съ распущенными волосами блуждаетъ и плачетъ; онъ видитъ, что солнце меркнетъ, и показывается мѣсяць, и птицы падаютъ внизъ, и земля дрожитъ, и, съ измѣнившимся лицомъ, является одинъ изъ его друзей и восклицаетъ: «Что ты дѣлаешь? Ты не знаешь, что произошло? Умерла твоя возлюбленная, которая была такъ прекрасна».

*Che fai? non sai novella?
Morta è la donna tua, ch'era sì bella.*

И онъ устремляетъ вверхъ свои глаза, переполненные слезами, и видитъ, что ангелы, «подобно дождю изъ манны», возвращаются на небо, и передъ ними облачко, и всѣ они поютъ Осанну:

*E veda (che parean pioggia di manna)
Gli angeli che tornavan suso in cielo,
Ed una nuvoletta avean davanti,
Dopo la qual cantavan tutti Osanna.*

И тогда онъ идетъ, чтобы увидѣть смертную форму возлюбленной, и видитъ, какъ женщины надѣваютъ на нее покровъ, и по лицу ея была разлита такая ясная кротость, что она какъ будто говорила: миръ со мною. Когда онъ увидалъ это зрѣлище, онъ тоже начинаетъ призывать смерть, умолять ее и восхвалять; отнынѣ смерть должна исполниться иѣжности и выказывать не гнѣвъ, а состраданіе, такъ какъ она поселилась въ этой благороднѣйшей:

*Morte, assai dolce ti tegno;
Tu dei omai esser cosa gentile,
Poichè tu se'nella mia donna stata,
E dei aver pietate e non disdegno.*

Стихотвореніе поразительно въ своей простотѣ; цѣлый міръ ощущеній, скорбныхъ воспоминаній заключается въ этихъ немногихъ словахъ: *Morta è la donna tua ch'era sì bella*; и мы уже узнаемъ пѣвца «Божественной Комедіи», видимъ его способность — въ немногихъ чертахъ нарисовать законченную картину, исполненную настроенія:

Ed voca seco umiltà sì verace
Che pareo che dicesse: io sono in pace.

Усопшая исполнена такой безмятежности, что она заставляет нас завидовать ей миру. Такъ описывали смерть святыхъ.

Удивительно поэтому, что самая смерть Беатриче не вызвала никакого значительнаго стихотворенія. Въ относящейся къ ней канцонѣ, *Gli occhi dolenti per pietà del core*, содержатся быть можетъ только два выразительные сильные стиха: «Я зову Беатриче и говорю: такъ ты умерла! И пока зову ее, мнѣ становится легче».

Chiamo Beatrice e dico: Or se'tu morta!
E mentre ch'io la chiamo, mi conforta.

Беатриче умерла 9-го іюня 1290-го года на 24-мъ или 25-мъ году своей жизни. *Vita Nuova*, т. е. систематизированное собраніе стихотвореній и добавленіе прозаическаго текста было начато послѣ ея смерти. Что комментарий гораздо болѣе поздняго происхожденія, чѣмъ стихотворенія, это видно повсюду, начиная съ перваго сонета; никто не постигъ тогда истиннаго смысла сновидѣнія, говоритъ Данте о заключающемся въ послѣднемъ стихѣ предчувствіи относительно смерти возлюбленной; но теперь онъ очевиденъ и для самыхъ недогадливыхъ, т. е. пророчество теперь исполнилось, Беатриче уже итъ. Заключеніе разсказа достигаетъ времени болѣе поздняго, чѣмъ годовщина смерти Беатриче. Такимъ образомъ мы приходимъ къ заключенію, что временемъ составленія книги былъ 1292-й годъ, и съ этимъ гармонируетъ указаніе Данте въ *Convivio* (I, 1), что она написана при вступленіи въ юношескій возрастъ, т. е. послѣ двадцать пятаго года; почти то же самое говоритъ Боккаччіо въ своей *Vita di Dante*, указывая, что поэтъ написалъ *Vita Nuova* «приблизительно на 26-мъ году своей жизни», точнѣе «къ 26-и годамъ». Другой взглядъ, относящій *Vita Nuova* къ 1300-му году, я считаю, послѣ соображеній, высказанныхъ Форначіари, устраненнымъ.

Любовь, такая преображенная и мечтательная, какой мы ее видимъ въ *Vita Nuova*, любовь, представляющая изъ себя внутреннее сліяніе символа и конкретнаго существа, въ позднѣйшее время сдѣлалась мало понятной. Или сомнѣвались въ ея существованіи, какъ личномъ реальномъ ощущеніи, или не могли понять, что она была направлена къ какой либо изъ смертныхъ, и потому пытались видѣть въ Беатриче только символъ, аллегорію, олицетвореніе собственныхъ мыслей поэта, безъ основы, представляемой дѣйствительной личностью. Боккаччіо разсказываетъ въ своей *Vita di Dante*, что та, которую прославлялъ поэтъ, была дочерью Фолько Портинари, и то же самое онъ повторяетъ въ своемъ комментарий къ Данте (Iez. VIII, p. 224) съ добавленіемъ, что свѣденіе это получено имъ отъ достовѣрнаго лица, лично знавшаго Беатриче и находившагося съ ней въ близ-

комъ кровномъ родствѣ. Относительно этой Биче Портинари мы знаемъ изъ завѣщанія ея отца, что 15-го января 1288-го года, въ день составленія документа, она была супругой Мессера Симоне де'Барди. Что Данте любилъ и воспѣвалъ замужнюю женщину, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, если имѣть въ виду нравы времени; трубадуры всегда прославляли замужнихъ дамъ, у итальянскихъ поэтовъ должно было быть то же самое, но только въ данномъ случаѣ мы не имѣемъ никакихъ положительныхъ свѣденій. Рыцарская любовь вышла именно изъ этихъ отношеній, какъ недавно блестящимъ образомъ доказалъ Г. Пари, и мистически-спиритуальная любовь ничего въ этой области не измѣнила. Чувства Данте направлены къ ангелу, а не къ земной женщинѣ; ея бракъ принадлежалъ къ области земного существованія, съ которымъ поэту ничего было дѣлать. Мы должны остерегаться отъ смѣшенія эпохъ. Какое событіе для поэта нашего времени бракъ его возлюбленной съ другимъ! Какая буря въ сердцѣ, какія сѣтованія, какое отчаяніе! Данте объ этомъ событіи не упоминаетъ ни однимъ словомъ; но было бы большою ошибкой заключать отсюда, что этого событія никогда не было; оно являлось, просто, такимъ фактомъ, о которомъ въ данномъ поэтическомъ произведеніи не было упоминанія, и не могло быть у насъ такимъ образомъ нѣтъ никакихъ достаточныхъ основаній сомнѣваться въ истинности извѣстія, сообщаемаго Боккаччо. Дома, принадлежащіе Портинари, были сосѣдними съ домами Алагіери; Фолько Портинари умеръ 31-го декабря 1289-го года, что вполне совпадаетъ съ тѣмъ мѣстомъ въ *Vita Nuova*, гдѣ идетъ рѣчь о смерти отца Беатриче. Боккаччо является, конечно, первымъ, у кого мы находимъ это отождествленіе Беатриче Данте съ Беатриче Портинари; но въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго; касательно сердечныхъ отношеній не составляютъ нотаріальныхъ актовъ; извѣстіе могло сохраняться въ преданіи, прежде чѣмъ кто-нибудь занесъ его въ біографію поэта.

Въ прошломъ столѣтіи Бишіони хотѣлъ видѣть въ Беатриче олицетвореніе философіи; эта мысль была ложной уже потому, что у Данте есть наряду съ Беатриче олицетвореніе философіи и олицетвореніе совершенно иное, и въ *Convivio*, и въ *Divina Commedia*. Россетти, который въ своихъ политическихъ фантазіяхъ о древнихъ поэтахъ-гибеллинахъ хотѣлъ видѣть во всѣхъ ихъ возлюбленныхъ и въ особенности въ Беатриче символы императорской власти, съ самаго начала не встрѣтилъ одобренія. Франческо Перезъ, въ своей книгѣ *La Beatrice Svelata* (Palermo, 1865), снабдилъ свои истолкованія большимъ запасомъ схоластической учености, которая, однако, при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается довольно поверхностнымъ нагроможденіемъ идей средневѣковой философіи, нередко дурно-понятыхъ, а быть можетъ и умысленно искаженныхъ. Беатриче, какъ въ *Vita Nuova*, такъ и въ *Convivio* и въ *Divina Commedia*, должна была

являться дѣятельнымъ разумомъ (*intelligenza attiva*) доктрины Аверроэса-Аристотеля. Возлюбленная Данте такимъ образомъ была бы совершенно тождественна съ героиней Франческо да Барберино и поэта написавшаго «*Intelligenza*». Но Перезъ все это понятіе дѣятельнаго разума, какъ бы контрабандой ввелъ въ философію Данте въ качествѣ отдѣльной субстанции, также какъ въ философію св. Тома Аквинскаго. Въ послѣднее время на аллегорическомъ истолкованіи Беатриче горячо настаивалъ Витторіо Имбриани, причемъ, однако, онъ не указывалъ, что скрывается за этимъ покровомъ; а Бартоли, хотя и не видитъ въ Беатриче аллегоріи въ собственномъ смыслѣ слова, тѣмъ не менѣе усматриваетъ въ ней абстракцію, чистое созданіе поэтическаго генія Данте, т. е. идеаль красоты и женственности вообще; опираясь на недостаточную аргументацію, онъ хотѣлъ доказать то же самое и относительно другихъ поэтовъ флорентинской школы. Главнымъ аргументомъ Имбриани и Бартоли, побуждающимъ ихъ отрицать за *Vita Nuova* цѣнность историческаго разсказа, является соображеніе, что Данте, опубликовавшею своей книги, совершилъ бы въ этомъ случаѣ наказуемую нескромность, опорочилъ бы репутацію умершей возлюбленной. Они однако забываютъ, что еслибы Данте назвалъ именемъ Беатриче или Биче чистое созданіе своей фантазій, каждый непосвященный все равно долженъ былъ бы счесть ее за реальное существо, какъ ее всѣ и считали въ продолженіи цѣлыхъ столѣтій, пока новѣйшіе глубокомысленные комментаторы не преподали намъ неожиданныхъ поученій; и такъ какъ въ эпоху Данте во Флоренціи и притомъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ поэтомъ была нѣкая Беатриче, къ которой случайно подходили намеки, связанные съ абстракціей, ея имя все равно подвергалось опасности, разумѣли ли онъ ее или нѣтъ. Мы разсуждаемъ, становясь на ту точку зрѣнія, которую мы, конечно, отвергаемъ, именно, что разсужденія и сообщенія Данте о Беатриче могли въ то время повредить чьей-либо женской репутаціи. Къ тому же, когда была опубликована книга, когда она вышла впервые за предѣлы узкаго круга друзей? Былъ ли еще живъ въ моментъ ея широкой популярности супругъ усопшей, единственный человѣкъ, который могъ быть шокированъ подобнымъ чувствомъ? И если это была только ошибка, что всѣ принимали Беатриче за реальное существо, мы должны удивляться, что Данте никогда не протестовалъ противъ нея. Между тѣмъ ему представлялся случай, который даже вынуждалъ бы его исправить ходячее заблужденіе, еслибы таковое было. Въ своемъ позднѣйшемъ произведеніи, *Convivio*, постоянно сопоставляя Беатриче съ другой возлюбленной, которая именуется *Donna pietosa* или *Donna gentile*, и подробно говоря о послѣдней, что она есть простая аллегорія, онъ могъ бы сдѣлать это также и относительно первой. Онъ такъ боится, что женственное созданіе, воспѣваемое имъ въ аллегорическихъ канцонахъ, при-

муть за женщину, состоящую из плоти и крови; подобная опасность была такъ же велика и относительно Беатриче, относительно этой послѣдней она была даже больше, такъ какъ онъ говорилъ о ней въ прозѣ съ указаніемъ нѣсколькихъ болѣе подробныхъ жизненныхъ обстоятельствъ; слѣдовательно онъ находилъ умѣстнымъ, чтобы Беатриче считали реальной личностью, чѣмъ она и была въ дѣйствительности.

Легко открыть вишія противорѣчія, черты неправдоподобныя и не совпадающія одна съ другой, если примѣнять ихъ къ нашимъ теперешнимъ нравамъ и нашему современному мышленію; гораздо труднѣ повѣрить серьезно въ аллегорическое истолкованіе и свести всё его указанія къ реальнымъ отношеніямъ. Тогда начинаютъ выступать абсурды и примѣры безвкусія, и, чтобы освободить поэта отъ упрековъ въ кажущейся нелѣпости, ему навязываютъ экстравагантности и фантазіи, которыя въ дѣйствительности уменьшаютъ его личность, а также идеи, которыя въ его время были прямо невозможны. Уже этихъ послѣдствій, простирающихся изъ системы глукомысленнаго комментирования, собственно говоря достаточно, чтобы отвергнуть ее. Беатриче была для Данте символомъ, и въ «Божественной Комедіи» она обозначаетъ небесный свѣтъ, откровеніе, теологію; но, сообразно съ манерой аллегоризированія, свойственной Данте, символъ связывался съ конкретной личностью, онъ выросъ изъ нея, и реальная личность продолжала существовать съ начала до конца; символическій смыслъ играетъ подчиненную роль.

Беатриче умерла, когда поэту было двадцать пять лѣтъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ кончился первый періодъ лирики, для которой она служила вдохновеніемъ. Угнетаемый глубокой скорбью, поэтъ искалъ успокоенія въ чтеніи той книги, которая утѣшила столь многихъ въ средніе вѣка, именно, *Consolatio Philosophiae* Боэція, и кромѣ того въ чтеніи цинероновскаго сочиненія *De Amicitia*. Сперва ему стоило большихъ усилій проникнуть въ мысли этихъ авторовъ; но наконецъ онъ овладѣлъ ими, съ помощью познаній по латинскому языку, которыми онъ уже обладалъ, и съ помощью своихъ природныхъ способностей. Это было началомъ философскихъ занятій, которыя такимъ образомъ были у Данте результатомъ самой интимной потребности, были тѣсно связаны съ его душевной жизнью. Онъ ищетъ въ книгахъ утѣшенія отъ несчастія, его постигнаго, и находитъ больше, чѣмъ искалъ; ему открывается сокровищница знанія, съ которой онъ уже не разставался во всю свою послѣдующую жизнь и которая помогала ему сохранять въ трудѣ и въ скорби высокій характеръ. Онъ начинаетъ посѣщать школы духовныхъ и диспуты философовъ, и въ сравнительно короткій срокъ, въ тридцать мѣсяцевъ, онъ такъ далеко ушелъ въ обладаніи знаніемъ, что всякая иная мысль, поглощенная любовью къ нему, совершенно исчезла (*Conv.* II, 13). Въ *Convivio*

Данте говорить, что уже и раньше онъ видѣлъ многое, «какъ бы во снахъ», т. е. неясно, что можно замѣтить въ *Vita Nuova*. Дѣйствительно, уже и въ этой книгѣ есть эрудиція. Она выказывается, не къ выгодѣ произведенія, въ педантическихъ расчлененіяхъ стихотвореній, которыя тогда и позднѣе были обычными при комментированіи, и которыя послѣ какой нибудь изъ этихъ пѣсенъ, исполненныхъ самаго живого чувства, иногда дѣйствуютъ на читателя, какъ ушатъ холодной воды. Эрудиція выступаетъ на сцену, когда поэтъ, говоря о смерти Беатриче, занимается символикой цифры девять, такъ часто повторяющейся въ фазахъ ея жизни, когда онъ упоминаетъ о девяти небесахъ, ссылается на Птоломея и астрономію, и наконецъ находитъ, что сама Беатриче воплощала въ себѣ цифру девять, т. е. была чудомъ, корень котораго есть чудесная Троица, — ухищреніе, шокирующее насъ, въ особенности въ этомъ мѣстѣ, но не шокировавшее средневѣковаго человѣка, который вѣрилъ въ подобное символическое толкованіе и усматривалъ въ этомъ чудесномъ случаѣ Руку Божию. Въ книжкѣ равнымъ образомъ дважды упоминается Аристотель. Но все это скорѣе воспоминанія, вынесенныя изъ раннихъ юношескихъ лѣтъ, нежели плоды собственныхъ энергическихъ занятій, которыя были фактомъ позднѣйшаго періода.

Философія Данте — философія схоластиковъ, она стоитъ въ тѣсной связи съ теологіей и въ ней находитъ свои предѣлы. Теологія является высшей изъ наукъ, которой всѣ они подчинены, по отношенію къ которой всѣ они, не исключая и философіи, занимаютъ служебное мѣсто. Здѣсь еще было въ полной силѣ знаменитое изреченіе Даміани. Человѣческой разумъ имѣетъ границы, изъ которыхъ онъ не можетъ выйти, чрезъ которыя онъ даже не долженъ стараться перешагнуть; здѣсь можно ждать объясненія только отъ Божественной благодати. Высочайшіе принципы, Богъ, ангелы, первичная матерія (*materia prima*), ускользаютъ отъ нашего пониманія; о нихъ мы знаемъ только чрезъ посредство вѣры. Самое совершенное доказательство безсмертія души дается намъ христіанскимъ ученіемъ: «посредствомъ вѣры мы видимъ это въ совершенствѣ, посредствомъ же разума чрезъ туманный покровъ, который проистекаетъ изъ смѣшенія въ насъ смертнаго съ безсмертнымъ» (*Conv.* II, 9). Ученія церкви даютъ философу готовый матеріалъ, философъ можетъ его обрабатывать, дополнять, можетъ извлекать изъ него свои заключенія, но не можетъ его обходить, не долженъ на него посягать. Онъ ищетъ истины на другомъ пути; но за теологіей остается послѣднее слово. Разсуждая о насажденіи Божественнаго принципа въ душу (*Conv.* IV, 22), Данте заключаетъ естественное, т. е. философское изложеніе словами: «и это почти все, что можно сказать на основаніи естественнаго познанія», и затѣмъ слѣдуетъ правовѣрное, исполненное энтузіазма, изложеніе на основаніи теологическаго ученія (*per via theologica*). Но фи-

лософія не бесполезна; какъ и у Тома Аквинскаго, у Данте свѣтъ милости предполагаетъ разумъ и его упражненіе, свѣтъ естественный; философія становится поддержкой религіи: «посредствомъ нея поощряется наша вѣра; потому она и создана отъ вѣчности»,—

Onde la fede nostra è aiutata;
Però fu tal da eterno ordinata,—

такъ говорится о философіи въ канцонѣ *Amor che nelle mente mi ragiona*. Многое она дѣлаетъ для насъ очевиднымъ и возбуждаетъ въ насъ страстное стремленіе къ сокровенному, и заставляетъ насъ видѣть основаніе многихъ явленій, кажущихся чудесными, «такъ что посредствомъ нея мы вѣримъ, что каждое чудо обосновано въ высшемъ разумѣ и потому можетъ существовать» (*Conv. III, 14*). Высшая слава, высшая цѣль земной мудрости заключается въ томъ, чтобы руководить нами на пути къ мудрости небесной, а не въ томъ, чтобы разрѣшать собственными усиліями загадки міра.

Такимъ образомъ философское мышленіе Данте носило строго-христіанскую окраску. Возникаетъ вопросъ, не уклонялся ли онъ куда-нибудь съ этой дороги. Свидѣтельство такого рода, на которое съ подчеркиваніемъ указалъ Витте, находится дѣйствительно въ одномъ изъ примѣчаній *Convivio (IV, 1)*; авторъ говоритъ, что работая надъ канцонной *Le dolci rime d'Amor ch'io solia*, онъ между прочимъ занимался вопросомъ, создана ли первичная матерія стихій Богомъ, и при этомъ сталкивался съ такими трудностями, что на нѣкоторое время отказался отъ философіи, т. е. точнѣе, отъ метафизики. Данный вопросъ былъ рѣшенъ церковью. Такимъ образомъ мы имѣемъ нѣкоторое основаніе допустить, что Данте въ извѣстную эпоху своей жизни, будучи исполненъ любознательности, обратился съ разумомъ въ такую область, изъ которой церковь его исключаетъ. Упреки Беатриче въ *Purgatorio (XXXIII, 85 и слѣд.)* также указываютъ, наряду съ другими проступками, слишкомъ большой захватъ въ мышленіи. Но во всякомъ случаѣ, если у Данте былъ періодъ метафизическихъ сомнѣній, указаній на него нужно искать не въ *Convivio* и не въ философскихъ канцонахъ, ибо въ нихъ нѣтъ ничего изъ этой области, кромѣ того бѣлаго примѣчанія.

Наряду съ авторитетомъ церкви, не терпящимъ никакого противорѣчія, стоятъ другіе, менѣе неприкосновенные, но все же трудно преборимые: философы древности, Аристотель и его арабскіе комментаторы, извѣстные въ латинскихъ переводахъ, Платонъ, котораго Данте зналъ только по цитатамъ другихъ, Цицеронъ, Боэцій, а также классическіе поэты, Вергилій, Овидій, Стацій, Луканъ, рассказы которыхъ истолковывались аллегорически или примѣнялись, въ качествѣ примѣровъ, къ моральнымъ доктринамъ, наконецъ великіе схоластики, Альбертъ Великій, Тома Аквинскій. Наука того вѣка заклю-

чена въ оковы авторитета. Изреченія указанныхъ великихъ мужей принимаются съ глубочайшей почительностью, оказываютъ подавляющее вліяніе на изслѣдованіе и служатъ иногда, прямо или косвенно, вмѣсто доказательствъ. Въ особенности доктрины Аристотеля являются необходимой основой философскаго мышленія; ихъ отвергать—рѣшаются съ трудомъ, и по возможности стараются истолковать ихъ и обойти. Бываютъ, конечно, случаи, когда воззрѣнія этого философа не совпадаютъ съ ученіями христіанской религіи, какъ на примѣръ въ представленіи о небесныхъ силахъ, гдѣ Данте признаетъ, что для Аристотеля и для всего язычества истина была закрыта (*Convivio*, II, 6). Но такіе случаи рѣдки, и, вообще говоря, въ области схоластики Аристотель является лучшимъ защитникомъ догматовъ. Въ немъ для Данте мірская мудрость нашла высшее свое выраженіе; наряду съ Фомой Аквинскимъ и другими схоластиками, онъ называетъ его просто *философомъ*¹⁾ или «тѣмъ славнымъ философомъ, которому природа наиболѣе открыла свои тайны» (*Convivio*, III, 5), «учителемъ челоуѣческаго разума» (IV, 6), «маэстро тѣхъ, которые *знаютъ*» («Божеств. Ком.»). Его авторитета достаточно, чтобы устранить безъ дальнѣйшихъ разсужденій авторитетъ другихъ философовъ, Пифагора, Платона; гдѣ онъ высказалъ свое «божественное сужденіе», тамъ всѣ другія должны быть откинута (IV, 17). Онъ ведетъ именно къ тому, что составляетъ истинную цѣль земнаго бытія, къ Божеству. «Перипатетики», говоритъ Данте, «въ области знанія господствуютъ теперь надъ цѣлымъ міромъ, и такимъ образомъ ихъ ученіе можно назвать почти католическимъ».

Данте съ своей философіей стоитъ на почвѣ идей своего времени; здѣсь нечего искать у него какой-нибудь оригинальности, чего-нибудь имѣющаго особенное значеніе; въ цѣломъ и въ общемъ это не болѣе какъ доктрины Фомы Аквинскаго, иногда Бонавентуры, съ извѣстными модификаціями и съ болѣе подробнымъ развитіемъ отдѣльныхъ пунктовъ. Большая часть этихъ доктринъ изложена въ сочиненіи, написанномъ значительно позднѣе, въ *Convivio*; они проникаютъ также «Божественную Комедію», для уразумѣнія которой необходимо ихъ знать. *Convivio* («Пиръ») представляетъ изъ себя очень подробный комментарий ко многимъ канцонамъ поэта; подробно останавливаясь на каждомъ изъ предметовъ, затронутыхъ въ стихотвореніяхъ лишь слегка, этотъ комментарий могъ сдѣлаться—конечно, несистематизированной—энциклопедіей всего тогдашняго знанія, если бы авторъ не прервалъ его, какъ только была написана четвертая, важнѣйшая, часть.

На первомъ мѣстѣ въ этихъ трактатахъ стоитъ морализація. Но

¹⁾ Nam et antonomatice, id est excellenter „philosophus“ appellatur, говоритъ Іоаннъ Салисберійскій, *Metalogicus*, II, 16.

въ сочиненіи Данте насъ интересуеъ не столько она, ибо въ абстрактной своей сущности она остается почти одинаковой во всѣхъ философскихъ теоріяхъ, сколько часть метафизическая, прежде всего ученіе о душѣ, объ ея происхожденіи и предназначеніи, обсужденіе именно той, важнѣйшей въ средніе вѣка, проблемы, которая явилась сюжетомъ «Божественной Комедіи». Какъ и для Аристотеля, для Данте душа есть энтелехія (форма) тѣла. Послѣ того какъ въ своихъ низшихъ функціяхъ душа уже образовалась и приобрѣла жизненность, къ ней, какъ училъ и Аристотель, нисходитъ свыше Божественная часть, *Intellectus possibilis*, названный такъ потому, что онъ «содержитъ въ себѣ въ потенціальномъ состояніи универсальныя формы», разумъ въ чистой его формѣ, до того какъ онъ воспринимаетъ какое-либо отдѣльное понятіе, межъ тѣмъ какъ *Intellectus agens* обозначаетъ разумъ въ состояніи дѣятельности, разумъ, исполненный понятій (IV, 21). Божественная благодѣтельность (*la bontà divina*) даетъ душѣ отъ себя столько, сколько она заслуживаетъ, т. е. смотря по тому, какова душа по своимъ природнымъ наклонностямъ. Божественная благодѣтельность нисходитъ во все, что сотворено; но предметы воспринимаютъ ее различнымъ образомъ, подобно тому какъ тѣла различнымъ образомъ воспринимаютъ солнечныя лучи; въ чистыхъ небесныхъ силахъ или въ отдѣльныхъ субстанціяхъ, въ ангелахъ, Богъ сіяетъ непосредственно; въ иныхъ существахъ Онъ свѣтитъ преломленнымъ свѣтомъ, который эти духовныя существа отражаютъ отъ себя, съ любовью двигаясь въ небесахъ (III, 14). Такимъ образомъ происходитъ градація мірозданія, отъ ангеловъ до міра неорганическаго, и опять цѣлый рядъ ступеней въ области бытія человѣческаго, отъ элемента ангельскаго до животнаго. Божественная искра, таящаяся въ душѣ, рождаетъ въ этой послѣдней стремленіе любить самое себя, но любить истинно, т. е. лучшую часть себя, любить духъ и то, что ему принадлежитъ, т. е. жизнь добродѣтельную, созерцательную еще болѣе, чѣмъ активную (IV, 22). Упражненіе въ добродѣтели составляетъ, согласно съ ученіемъ Аристотеля, человѣческое блаженство, и въ этомъ Данте также видитъ (*Convivio*) истинное человѣческое благородство. Высшее блаженство—созерцаніе высшаго, что можно мыслить, созерцаніе Бога. Душа жаждетъ Бога, какъ высшаго блага, и чувствуетъ такимъ образомъ влеченіе ко всему, что оказывается превосходнымъ, ибо это происходитъ отъ Бога. Но она заблуждается, когда сперва каждую вещь она считаетъ истиннымъ, полнымъ, высшимъ благомъ; она переходитъ отъ одного къ другому, пока наконецъ не достигаетъ своего цѣли, самого Бога (IV, 12) ¹⁾. Таковъ путь жизни; но дорогъ много, и

¹⁾ Bonaventura, *Itinerar. Mentis in Deum*, cap. 3: *Nihil autem appetit humanum desiderium, nisi summum bonum, vel quod est ad illud, vel quod habet aliquam effigiem illius. Tanta est vis summi boni, ut nihil nisi per illius de-*

прямыхъ и кривыхъ. Высшее блаженство здѣсь на землѣ недостижимо; для него нужно иное существованіе, къ которому ведутъ теологическія добродѣтели и въ которомъ божественная милость даруетъ намъ миръ и успокоеніе въ Господѣ.

Изъ этой схемы идей мы получаемъ также и философское объясненіе любви. Она опредѣляется, какъ «духовное соединеніе души съ любимымъ предметомъ» (сopv. III, 2). Душа, стремясь къ Богу и видя божественную искру въ другой душѣ, стремится къ этой послѣдней, хотеть съ ней соединиться, и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ она совершеннѣе, чѣмъ болѣе въ ней видна ея божественная часть.

Въ связи съ этой теологической философіей находится астрономія, которая описываетъ внѣшній видъ вселенной, проникнутой Богомъ, пространства иного міра и его отношеніе къ землѣ. Кроме того, астрономія шла руку объ руку съ астрологіей, которой ревностно занимались въ средніе вѣка и въ эпоху Возрожденія; Данте вѣрилъ въ астрологію, правда, не безусловно, но во всякомъ случаѣ настолько, что, наравнѣ со всѣми свѣдущими людьми того времени, признавалъ за свѣтилами рѣшительное вліяніе на наклонности душъ при ихъ происхожденіи, причемъ не отрицалась однако свобода воли и допускалась способность противостоятъ ихъ вліянію. Поэтому и въ *Sopvivio* астрономическимъ разсужденіямъ удѣлено много мѣста. Среди разныхъ доктринъ, особенно важныхъ для пониманія «Божественной Комедіи», мы находимъ здѣсь ученіе о девяти небесахъ, изъ которыхъ каждое имѣетъ сферическую форму, одно содержитъ въ себѣ другое и для всѣхъ неподвижнымъ центральнымъ пунктомъ служитъ земной шаръ (II, 3—6). Семь низшихъ небесъ являются небесами планетъ, къ которымъ причисляются также солнце и мѣсяцъ; затѣмъ слѣдуетъ небо неподвижныхъ звѣздъ, далѣе первое движимое небо, *Primo Mobile*, называемое также хрустальнымъ небомъ, ибо оно невидимо, совершенно прозрачно, и о немъ можно судить только по его движенію. Надо всѣми наконецъ простирается сводъ десятаго неподвижнаго неба, — эмпирей, небо чистаго свѣта, служащее мѣстопробываніемъ для Бога и блаженныхъ духовъ. И такъ какъ каждая часть *Primo Mobile* стремится соединиться съ каждой частью блаженнаго невозмутимаго *Empireo*, отсюда рождается его непостижимо быстрое движеніе, благодаря которому оно немного менѣе чѣмъ въ двадцать четыре часа совершаетъ вращеніе отъ Востока на Западъ и передаетъ свое собственное движеніе другимъ сферамъ. Девять небесъ приводятся въ состояніе вращенія іерархіей силъ или ангеловъ, которые, по христіанскому ученію, распадутся на девять разрядовъ и приобрѣтаютъ свою мощь тѣмъ, что,

siderium a creatura possit amari. Quae tunc fallitur et errat, cum effigiem et simulacrum pro veritate acceperat. — Почти такая же мысль высказана и Бозціемъ, *Phil. Cons.* III, 2, 3.

исполненные любви, взираютъ на Высшее Благо. Эта сила потомъ вмѣстѣ съ лучами каждой звѣзды нисходитъ на землю и вліяетъ на умы и на судьбы людей. Итакъ, если философскія доктрины заимствованы по большей части у Аристотеля и его истолкователей, астрономическія свѣдѣнія, которыя мы видимъ у схоластиковъ и вмѣстѣ съ ними у Данте, взяты у Птолемея и Авиценны, но какъ философскія данныя, такъ и астрономическія исправлены и дополнены догматами церкви.

Если въ *Convivio* мы будемъ искать только возрѣній Данте по научнымъ вопросамъ, отъ насъ ускользнетъ одна характеристическая черта книги и его знанія вообще. Его особенностью было—воспринимать все сильно и пылко, дѣлать все аффектомъ, страстью; именно потому онъ и былъ великимъ поэтомъ. Знаніе для него было не мертвымъ приобрѣтеніемъ, не простымъ нагроможденіемъ ученыхъ деталей, что мы видимъ у Брунетто Латини, оно было для него дѣломъ чувства и сознанія. Всюду вырисовывается его могучая личность. Чистое знаніе, исключющее по возможности все индивидуальное, могло при этомъ пострадать, и мы не должны преувеличивать его цѣнности у Данте; но что насъ особенно интересуетъ въ научныхъ стремленіяхъ Данте, это, въ концѣ концовъ, его собственная индивидуальность. Онъ даетъ для любви философское опредѣленіе; но сама философія превращается у него въ любовь; она есть «любовное соприкосновеніе съ мудростью» (III, 12).

Convivio есть продуктъ схоластики, что вполне обрисовывается самой манерой этого произведенія, его тягучимъ, исполненнымъ силлогизмовъ, изложеніемъ, его пространностью, желаніемъ все объяснить и изслѣдовать, комментировать самыя мелкія явленія, ясныя сами по себѣ, какъ явленія самыя крупныя и темныя. Въ наше время это называется педантизмомъ; въ средніе вѣка это было общимъ и необходимымъ характеромъ всякаго научнаго изслѣдованія. Своего кульминаціоннаго пункта такая манера достигаетъ въ длинномъ сравненіи наукъ съ десятью небесами (II, 14 и слѣд.), грамматики съ небомъ луны, діалектики съ небомъ Меркурія, риторики съ небомъ Венеры, и такъ далѣе до эмпирея, который долженъ соответствовать теологіи, причемъ къ каждому отдѣльному сравненію подобраны удивительныя основанія. Но это обиліе тяжеловѣсной учености не можетъ скрыть отъ насъ челоувѣка и поэта. Дантевское пониманіе даетъ просторъ для полета фантазіи. Вполнѣ поэтично это астрономическое міросозерцаніе, эта идея о происхожденіи небеснаго вращенія, о любви, какъ принципѣ движенія, любви и свѣта, которые проникаютъ вселенную, пробуждаютъ всю жизнь и всѣ влеченія, этотъ контрастъ непостижимо быстрого движенія хрустальнаго неба съ невозмутимымъ спокойствіемъ божественнаго эмпирея, откуда однако пронстекаетъ самое движеніе. Поэтъ сказывается въ извѣстныхъ образахъ высоко-художественныхъ, какъ

напр. въ томъ мѣстѣ (IV, 12), гдѣ Данте сравниваетъ душу, ищущую Бога, съ пилигримомъ, который идетъ по невѣдомой дорогѣ, и каждый попадающійся домъ считаетъ за желанный пріютъ, и, разочаровываясь, переноситъ свою вѣру на другой, и такимъ образомъ идетъ отъ дома къ дому, пока не достигаетъ истиннаго убѣжища; или въ другомъ мѣстѣ (IV, 27), гдѣ, говоря о челоувѣкѣ преклоннаго возраста, всю жизнь собиравшемъ мудрость и дѣлавшемъ ее полезной для другихъ, онъ сравниваетъ его съ розой, которая не можетъ больше оставаться закрытой и распространяетъ аромат, накопившійся внутри ея. Мѣткіе образы, исполненные силы живописанія, мы встрѣчаемъ и въ другихъ мѣстахъ, какъ напр. (III, 8), когда онъ называетъ смѣхъ «проблескомъ душевной радости», т. е. «проявленіемъ свѣта во внѣ, когда онъ свѣтитъ внутри».

И въ то время какъ Данте даетъ свои указанія добродѣтели, у него передъ глазами—реальная дѣйствительность, которая проникаетъ его изложеніе своимъ живительнымъ дыханіемъ. Онъ бросаетъ взглядъ вокругъ себя, увѣщаетъ и, полный негодованія, высказываетъ рѣзкія порицанія, когда видитъ, что міръ уклонился съ праваго пути. «О, моя несчастная, несчастная родина!» восклицаетъ онъ, когда начинаетъ говорить о правосудіи и дѣлахъ управленія, «какимъ состраданіемъ къ тебѣ проникаюсь я, когда я читаю, когда я пишу о томъ, что имѣетъ отношеніе къ государственному управленію (IV, 27), и вознеся хвалы странѣ, гдѣ царитъ мудрость, онъ обращается противъ тогдашнихъ властителей, и въ особенности обрушивается на королей Неаполя и Сициліи, Карла и Фридриха, для которыхъ лучше было бы «летать низко, какъ ласточка, нежели въ высотѣ на подобіе коршуна дѣлать широкіе круги надъ самыми низкими вещами» (IV, 6). Желая дать примѣръ того, что мы еще не благородны, если наше имя находится въ устахъ людей, онъ указываетъ на сапожника Асденте изъ Пармы и наряду съ ними на синьоре изъ Вероны, Альбоино делла Скала (IV, 16). Это уже смѣлый и гордый языкъ «Божественной Комедіи», охотнѣе всего поражающей своими молніями самыя высокія вершины. Въ бурной пламенности убѣжденія его рвеніе превращается въ страсть, когда, опровергая безумное мнѣніе о челоувѣческомъ благородствѣ, онъ говоритъ, что «на такую животную низость должно было бы отвѣчать не словами, а ножомъ» (IV, 14).

Итакъ для насъ дѣлается понятнымъ, какимъ образомъ эта эпоха научныхъ стремленій вызвала у Данте новую лирику. Конечно, вдохновеніе здѣсь носить совершенно отличный характеръ, сравнительно съ тѣмъ первичнымъ вдохновеніемъ, которымъ проникнута Vita Nuova. Передъ нами переходъ къ специфически—ученой поэзій, требующей для своего пониманія длинныхъ комментаріевъ, какъ канцона Гвидо Кавальканти, въ особенности тамъ, гдѣ это научное содержаніе облечено въ аллегорическую форму. Въ такомъ аллегорическомъ одѣ-

янія является у Данте философія, когда онъ возноситъ ей хвалы. Народный языкъ казался ему недостойнымъ, чтобы съ помощью его изобразить высокій предметъ въ его истинныхъ очертаніяхъ. Но, далѣе, такимъ замысломъ онъ хотѣлъ также удовлетворить вкусу публики, которая не привыкла, чтобы въ стихахъ изображалось что-нибудь кромѣ любви (II, 13). Двѣ изъ его аллегорическихъ канцонъ, *Voi che intendete il terzo ciel movete* и *Amor che nella mente mi ragiona*, принадлежатъ къ числу тѣхъ, которыя онъ комментировалъ въ *Convivio*, и при этомъ онъ развилъ также ученіе о поэтической аллегоріи, теорію четверного смысла поэзіи (*Convivio*, II, 1): «Нужно знать», говоритъ онъ, «что сочиненія могутъ быть понимаемы и должны быть объясняемы главнымъ образомъ въ четырехъ смыслахъ». Первый—это буквальный смыслъ (*sensu litterale*), т. е. тотъ смыслъ, который самъ по себѣ заключается въ сказкѣ или разсказѣ, второй—аллегорическій, «который прячется подъ покровомъ вымысла,—правда, скрывающаяся въ прекрасномъ обманѣ», третій—моральный, правило морали, которое проистекаетъ изъ разсказаннаго, наконецъ, четвертый—анагогическій, т. е. указаніе на вѣчную жизнь («стремящійся въ высь», *intellectus tendens ad superiorem*, какъ говорилъ Ансельмъ), извлекаемое изъ разсказа указаніе на состояніе души въ иномъ мірѣ.

Аллегорическое истолкованіе по методу многократнаго смысла уже весьма давно примѣнялось къ Священному Писанію; оно возникло въ первыя времена христіанства и вошло во всеобщее распространеніе благодаря особеннымъ стараніямъ Гиларія и Амвросія. Мы видѣли его, напр., у Петра Даміани въ 11-мъ столѣтіи. Въ 12-мъ вѣкѣ имъ занимаются многія латинскія стихотворенія, *De Creatione Mundi* Гильдеберта Турскаго и пространная *Aurora* Петра де Рига. Въ болѣе древнее время самымъ обычнымъ является дѣленіе на три смысла, буквальный, тропологическій и аллегорическій. Но часто встрѣчается и четвероякое дѣленіе; Кассіанъ, въ началѣ пятаго столѣтія, указываетъ на историческое, тропологическое, аллегорическое и анагогическое истолкованіе,—дѣленіе, опять встрѣчающееся у Бонавентуры. Четвертой смыслъ, съ тѣми же самыми наименованіями и съ тѣмъ же самымъ объясненіемъ какъ въ *Convivio*, мы видимъ между прочимъ въ притчѣ Ансельма и въ *Summa* Томы Аквинскаго, къ которому Данте, по обыкновенію, примкнулъ непосредственно. Съ другой стороны не менѣе древне, и даже древнѣе, было аллегорическое истолкованіе поэзіи и классическихъ миѳовъ. Оно началось у греческихъ философовъ, въ особенности у стоиковъ, которые старались сдѣлать пріемлемыми народныя вѣрованія, отыскивая въ вымыслѣ моральныя и физическія истины; такъ были объяснены ими поэтическія произведенія Гомера и Гезіода. Въ болѣе позднюю римскую эпоху этотъ способъ истолкованія былъ примѣненъ къ *Virgilio* Макробіемъ и еще болѣе Фульгенціемъ; въ «Энеидѣ» усматривали изображеніе періодовъ раз-

витія челоуѣка въ различные возрасты жизни. Что у Виргилія и въ классической поэзіи подъ покровомъ вымысла вообще скрывалась философская истина, это было въ средніе вѣка общераспространеннымъ и не разъ высказаннымъ мнѣніемъ. Такое пониманіе древнихъ мифовъ и древней поэзіи несомнѣнно уничтожало ихъ дѣйствительный смыслъ, но за то оно давало возможность правовѣрнымъ христіанамъ изучать языческую литературу, и немало содѣйствовало тому, что ея культъ сохранялся втеченіи всего средневѣковья. Аллегорическое объясненіе Библии, къ которому относились какъ къ факту обычному, дѣлало такую манеру пониманія еще болѣе естественной. Но спрашивается, переносиль-ли кто-нибудь до Данте всю эту систему библейскаго истолкованія съ ея многосложнымъ смысломъ—и на поэтическое творчество? Данте, несомнѣнно, первый примѣнилъ ее такъ послѣдовательно и такъ серьезно къ романской поэзіи. Данное обстоятельство находилось въ связи съ большимъ достоинствомъ, которое приобрѣла теперь эта послѣдняя. Народная поэзія, стремясь стать въ уровень съ латинской, должна была изъ наивной непосредственной пѣсни, какой она была въ устахъ народа и представителей придворной любовной лирики, сдѣлаться именно тѣмъ, чѣмъ считали поэзію латинскую. Она сдѣлалась наукой, какъ въ средніе вѣка постоянно обозначалась *Poetica* ¹⁾, предлагала истину подъ покровомъ образа, какъ Библия и латинская поэзія, и требовала поэтому того же метода истолкованія.

Первый и второй смыслъ, говорилъ Данте, должны быть всегда опредѣлены, третій и четвертый очерчиваются лишь время отъ времени. Первый смыслъ, буквальный, долженъ быть вполне объясненъ, прежде чѣмъ можно перейти къ разоблаченію второго, аллегоріи. Такимъ образомъ онъ и поступаетъ при комментированіи своихъ канцонъ. Новая возлюбленная, о которой говорятъ пѣсни и которой Беатриче должна была уступить свое мѣсто, есть никто иное, какъ философія, «прекраснѣйшая и добродѣтельнѣйшая дочь царя вселенной», получившая свое наименованіе отъ Пифагора (*Conv.* II, 16). Олицетвореніе философіи мы видѣли у Боэція и его средневѣковыхъ подражателей, Генрика Септимелленсиса и Боно Джамбони; они представляли ее величественной, внушающей почтеніе, матроной; но у Данте она не только руководительница и учительница, она введена въ любовное поэтическое творчество и потому сдѣлалась возлюбленной. Женщина, сдѣлавшаяся со временъ Гвиничелли представительницей идеи, ея символомъ, должна была уступить самой олицетворенной идеѣ, какъ въ *Intelligenza* и у Франческо да Барберино. Прекрасные глаза его возлюбленной являются теперь «доказательствами (*dimostrazioni*), которыя, будучи устремлены къ глазамъ разума, наполняютъ душу

¹⁾ „E dice che fu poeta, cioè scienziato della scienza di poesia“. Ottimo Comento, Inf. I, 67.

любовью» (II, 16), ея улыбка — «убѣдительные доводы (persuasioni), въ которыхъ изъ-за покрыва сіяетъ свѣтъ мудрости» (III, 15); «тоска вздохомъ» означаетъ «трудность изученія и борьбу сомнѣній»; «духъ любви» (uno spirital d'amore) есть мысль, возникающая благодаря изученію; тотъ мигъ, когда начинается влюбленность, есть мигъ перваго доказательства, любовь вообще есть изученіе.

Однако, какъ было замѣчено, для Данте и наука содержитъ въ себѣ поэтическіе элементы; любовь должна обозначать изученіе; но самое изученіе является у него истинной любовью, священнымъ пламенемъ. Изученіе, какъ говоритъ онъ (II, 16), есть «занятіе духа, влюбленнаго въ извѣстную вещь, этой вещью» (applicazione dell'animo innamorato della cosa a quella cosa). Въ его научныя изысканія проникаютъ чувства; изученіе и любовь всегда являются заодно, и мы видимъ это еще въ знаменитомъ стихѣ «Божественной Комедіи»:

Valgami'l lungo studio e'l grande amore¹⁾.

Такимъ вдохновеннымъ отношеніемъ къ сюжету проникнуты и оживлены также и аллегорическія канцоны. Къ этому присоединяется еще другая особенность, дѣлающая эти стихотворенія до извѣстной степени настоящими предвѣстниками «Божественной Комедіи», именно самостоятельное развитіе образа, который въ качествѣ аллегоріи собственно предназначался только для указанія на что-то другое, но здѣсь приобрѣлъ независимое отъ этой служебной цѣли значеніе, такъ что мы можемъ удовольствоваться и внѣшнимъ покровомъ, не заботясь о внутреннемъ скрытомъ значеніи. Поэтому Данте заставляетъ свою канцону Voi che intendendo взывать къ тѣмъ, кто не будетъ въ состояніи глубоко проникнуть въ ея тайный смыслъ, чтобы они по крайней мѣрѣ обратили вниманіе на то, какъ она прекрасна:

Ponete mente almen com'io son bella.

У великихъ классическихъ писателей онъ привыкъ видѣть рельефное изображеніе того, что онъ считалъ простымъ внѣшнимъ покровомъ, и эта рельефность находилась въ полномъ соотвѣтствіи съ его инстинктомъ артиста, который не можетъ довольствоваться одними голыми схемами. Въ этомъ отношеніи онъ пошелъ такъ далеко, что, когда появились аллегорическія канцоны, многіе подумали, что они обращены къ дѣйствительной женщинѣ, и одной изъ задачъ Convivio было именно желаніе устранить такую догадку.

Съ той канцоной, гдѣ описывается видѣніе смерти Беатриче, съ лучшей канцоной изъ первой серіи лирическихъ стихотвореній, можно сопоставить другую, относящуюся ко второй серіи и врядъ-ли менѣе важную по своему значенію: Tre donne intorno al cor mi son venute.

¹⁾ Это плодъ долгаго изученія и великой любви.

Эти три аллегорическія женщины представляютъ справедливость въ различныхъ формахъ ея проявленія, какъ природную склонность (*Drittura*), какъ общечеловѣческой законъ и какъ законъ государственной. Будучи презираемы и гонимы среди людей, они обратились къ сердцу поэта, какъ къ своему убѣжищу; ибо въ этомъ сердцѣ живеть *Amore*. Онъ обращается съ рѣчью къ тремъ женщинамъ, увѣщаетъ ихъ не плакать и не скорбѣть; пусть это дѣлаютъ люди, которые понесли отъ того ущербъ, они же невозбранно пребываютъ въ своей вѣчной высотѣ, и поэтъ, тогда уже скитавшійся въ изгнаніи, исполняется гордости, ибо постигаетъ, съ кѣмъ онъ дѣлитъ свою судьбу: «Изгнаніе, которое мнѣ суждено, считаю за честь, и если правосудію, или силѣ рока, угодно было, чтобы міръ обратилъ бѣлые цвѣты въ мрачные,—пасть съ добрыми считаю я достойнымъ похвалы».

L'esilio che m'è dato onor mi tegno,
E se giudizie, o forza di destino
Vuol pur che il mondo versi
I bianchi fiori in persi
Cader tra buoni ¹⁾ è pur di lode degno.

Но ощущенія перемѣшиваются соотвѣтственно съ тѣмъ, какъ они боролись въ сердцѣ изгнанника; не смотря на гордость и достоинство, съ которыми онъ противопоставляетъ себя своимъ гонителямъ, въ увѣренности, что право и добро на его сторонѣ, конецъ носить меланхолическую окраску; его снѣдаетъ тоска по родинѣ; если онъ въ чемъ-нибудь повиненъ, онъ искупилъ вину своими страданіями и раскаяніемъ: «И если я свершилъ какую-нибудь вину, она уже давно погасла, если только вина умираетъ, когда человѣкъ раскаявается».

Onde s'io ebbi colpa,
Più lune ha volto il Sol, poichè fu spenta,
Se colpa muore, purchè l'uom si penta.

Именно такая рѣзко-индивидуальная окраска сообщаетъ стихотворенію художественную силу. Тамъ, гдѣ описывается первое изъ трехъ олицетвореній, передъ нами развертывается удивительная картина скорбящей женщины: «Скорбитъ одна, и много словъ находитъ для печали: и опирается рукой, какъ сломанная роза; опора скорби, обнаженная рука воспринимаетъ лучъ, который ниспадаетъ отъ лица; другой рукой она лицо скрываетъ, все влажное отъ слезъ; безъ пояса, босая, она какъ будто вся въ себя погружена».

Dolesi l'una con parole molto,
E'n sulla man si posa

¹⁾ *I buoni*, естественно обозначаютъ тѣхъ трехъ женщинъ. Поразительно, какъ этого не увидали Витте и Джуліани.

Come succisa rosa;
Il nudo braccio, di dolor colonna,
Sente lo raggio, che cade dal volto;
L'altra man tiene ascosa
La faccia lagrimosa,
Discinta e scalza e sol di sè par donna.

«Опора скорби, обнаженная рука», голова, склоненная на подобие «сломанной розы», такіе живые пластическіе образы, возникающіе среди аллегорических морализаций, показываютъ намъ пѣвца «Божественной комедіи», точно также, какъ мы узнаемъ его по благородству настроенія.

Равнымъ образомъ аллегорически должна быть понимаема другая канцона, начинающаяся словами: *Io sento sì d'amor la gran possanza*. За это говорить ея двойной конецъ, одинъ — общепринято моральный, другой — обращенный къ извѣстнымъ лицамъ, указаніе на внутреннее достоинство канцоны, торжественный и исполненный энтузіазма тонъ этого прекраснаго стихотворенія. Въ особенности силенъ первый стихъ, который почти въ такомъ же видѣ повторяется въ *Purgatorio*; эта красота начальныхъ стиховъ, въ которыхъ какъ бы конденсируется настроеніе стихотворенія, является особенностью многихъ дантевскихъ стихотвореній, на которую указалъ уже Леонардо Аретино. Нѣтъ сомнѣнія, что среди канцонъ Данте есть еще и другія аллегорическія; но мы не могли бы ихъ уразумѣть, какъ было бы и съ канцоной *Amor che nella mente mi ragiona*, если бы поэтъ не комментировалъ ихъ. Всѣ догадки остаются мало обоснованными. Наоборотъ, благодаря упоминанію самого Данте (*Conv. III, 9*), мы узнали, что баллада *Voì che sarete ragionar d'amore* должна быть понимаема аллегорически. Это — жалоба на жестокость возлюбленной, сама по себѣ имѣющая мало значенія, но интересная въ томъ отношеніи, что здѣсь философское содержаніе появляется даже въ народной формѣ пѣсни, предназначавшейся первоначально для самыхъ легкихъ сюжетовъ, въ формѣ пѣсни, долженствующей сопровождать пляску; впрочемъ, такое отчужденіе литературнаго жанра отъ его первичнаго характера уже совершилъ Гвидо Кавальканти.

Аллегорическая лирика Данте имѣетъ своимъ содержаніемъ прославленіе философіи; но гдѣ дѣло идетъ о морализации, направленной на специально практическую цѣль, гдѣ дѣло идетъ о пользѣ читателя, тамъ канцона сбрасываетъ свой нарядный покровъ и опять превращается въ сухое дидактическое стихотвореніе. Истина, которая должна была оказывать непосредственное вліяніе на испорченные нравы людей, не могла скрываться подъ покровомъ образа, откуда ее нужно было извлекать съ усиліями: «не слѣдовало говорить образно, наоборотъ, нужно было предлагать цѣлебное средство прямо, чтобы прямо и быстро было достигнуто здоровье, въ силу утраты котораго люди

«спѣшили къ такой пагубной смерти». Такъ говорится въ *Convivio* (IV, 1) касательно одной изъ этихъ канцонъ, которая тамъ объяснена, именно канцона о благородствѣ (*la Nobiltà*): *Le dolci rime d'amor ch'io solia*. Кроме этой канцоны, мы имѣемъ еще два подобныхъ стихотворенія, канцону *Poesia ch'amor del tutto m'ha lasciato*, о *Leggiadria*, т.-е. о благородныхъ нравахъ, и *Doglia mi reca nello core ardire*, о скупости и щедрости. Въ этихъ пѣсняхъ манера отличается строго научнымъ характеромъ, безъ какихъ-либо поэтическихъ прикрасъ; мы находимъ здѣсь обстоятельное опроверженіе противнаго мнѣнія, правильные силлогизмы (*Udite come conchiudendo vado* въ *Doglia mi reca*, строфа 7-я), языкъ школы; при опредѣленіи, что такое добродѣтель, въ стихахъ цитируется этика Аристотеля (*Le dolci rime*). Эта сухость, этотъ педантизмъ, какъ справедливо замѣтилъ Кардуччи, напоминаютъ манеру Гвиттоне изъ Ареццо, отъ котораго Данте отличается только большей энергіей и сжатостью языка. Это рѣшительный шагъ назадъ по сравненію съ манерой Гвиничелли поучать образно, у котораго однако Данте заимствовалъ идею канцоны о благородствѣ и о которомъ онъ съ преклоненіемъ упоминаетъ въ комментаріи. Здѣсь Гвидо Кавальканти былъ также предшественникомъ своего друга, какъ авторъ канцоны о любви. И въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ морализаціи Данте даже уступаютъ морализаціямъ Гвиттоне, ибо, при своемъ абстрактномъ развитіи, они не даютъ легко понимаемаго поученія, которое поэтъ замыслилъ на благо читателю. Кто могъ бы жить сообразно съ такими правилами? Схоластическая философія избѣрѣтельна; чтобы высказать вещи вульгарныя, она отыскиваетъ тонкія различія, далекія сравненія, благодаря чему ученіе теряетъ свою практическую цѣнность, дѣлается непонятнымъ для простаго разсудка. Но Данте высоко цѣнилъ эти канцоны, гдѣ онъ сдѣлалъ поэзію учительницей добродѣтели, быть можетъ онъ даже ставилъ ихъ выше, чѣмъ всѣ другія, или по крайней мѣрѣ считалъ наиболѣе характеристическими созданіями своей музы, и въ книгѣ *De eloquentia vulgari* (II, 2) цитировалъ канцону *Doglia mi reca*, гдѣ онъ называетъ себя пѣвцомъ добродѣтели (*rectitudo*). Это пристрастіе къ утонченнымъ доказательствамъ абстрактной истины въ стихахъ, повторяется опять во многихъ мѣстахъ «Божественной Комедіи», которыя самъ поэтъ конечно считалъ лучшими.

Философская лирика Данте занимаетъ болѣе или менѣе продолжительный періодъ. Канцона *Voi che intendendo* должна быть однимъ изъ самыхъ раннихъ, быть можетъ самымъ раннимъ произведеніемъ этой эпохи; въ ней еще воспѣвается возникновеніе новой любви, борьба съ воспоминаніемъ о Беатриче. Самой поздней датой можетъ служить 1295-й годъ, ибо умершій въ этомъ году молодой венгерскій король Карлъ Мартелль выказываетъ знакомство съ этой канцонной, когда Данте заставляетъ его выступать въ *Paradiso* (VIII, 32). Вторая кан-

кона *Convivio: Amor che nella mi ragione* несомнѣнно написана по крайней мѣрѣ за нѣсколько времени до 1300-го года; ибо знаменитый пѣвецъ и композиторъ Казелла поетъ ее въ *Purgatorio* (II, 112). Наоборотъ пѣсня *Tre donne* относится къ періоду изгнанія. Три канцоны, воспѣвающія *rectitudo*, повидимому, тѣсно связаны между собой и написаны въ короткій періодъ одна за другой; въ особенности канцоны о *Nobiltà* и *Leggiadria* выказываютъ самое тѣсное соотношеніе. Одна изъ нихъ, какъ мы видѣли, была написана въ періодъ метафизическихъ сомнѣній; поэтому принято относить ее къ эпохѣ до 1300-го года, который былъ фиктивнымъ годомъ великаго видѣнія и обращенія. Комментарій, какъ въ *Vita Nuova*, такъ и въ *Convivio*, былъ написанъ лишь спустя извѣстный и даже продолжительный срокъ послѣ созданія стихотвореній. Въ началѣ книги авторъ говоритъ о своихъ долгихъ скитаніяхъ въ нуждѣ и нищетѣ; это означаетъ, что уже прошло много лѣтъ изгнанничества. Благородный Герардо да Каммино, правитель Тревизо, упоминается, какъ умершій (IV, 14), а онъ умеръ 26-го марта 1306-го года. Съ другой стороны король Неаполя Карль II, умершій 5-го мая 1309-го года, упоминается еще, какъ живой. (IV, 6). Такимъ образомъ *Convivio* относится къ періоду между 1306-ымъ годомъ и 1309-мъ, Витте относить его къ зимѣ 1308—1309, съ чѣмъ согласуется болѣе примирительный, болѣе кроткій тонъ книги по отношенію къ родному городу, резигнація вполне понятная, ибо это время было эпохой безнадежности для изгнанниковъ.

Convivio должно было разъяснить 14 канцонъ, на самомъ же дѣлѣ было написано только 4 трактата, т.-е. введеніе и комментарий къ 3-мъ пѣснямъ. Римскій походъ Генриха VII прервалъ работу, и занятіе «Божественной Комедіей» не позволило снова приняться за нее. Возникалъ и обсуждался вопросъ, каковы могли быть канцоны, которыя Данте намѣревался разработать далѣе, и находятся-ли они еще среди его стихотвореній. За двумя изъ нихъ мы дѣйствительно можемъ съ извѣстной достовѣрностью обезпечить мѣсто въ ненаписанной части книги. Четырнадцатый трактатъ долженъ былъ (соотвѣтственно съ I, 12, строка 65 и IV, 27, стр. 74) говорить о *Giustizia*, и тамъ должно было быть указано, почему мудрыми была создана форма аллегоріи (II, 1, стр. 27); это, очевидно, относится къ канцонѣ *Tre donne*, гдѣ правосудіе олицетворено въ видѣ трехъ женщинъ и гдѣ загадочные образы даютъ въ особенности удобный поводъ для разсужденій о цѣли аллегоріи. Въ послѣднемъ, пятнадцатомъ трактатѣ предполагалось развить доказательства, что щедрость, выказанная противъ воли, не имѣетъ никакой цѣны (I, 8, конецъ), и что добродѣтели иногда, въ силу тщеславія и гордости, кажутся намъ мало привлекательными (III, 1, 5, стр. 108). Съ этимъ согласуется канцона *Doglia mi gesa*, гдѣ въ особенности шестая строфа вполне гармонируетъ съ первымъ указаніемъ. Седьмой трактатъ (согласно съ IV, 26) долженъ былъ го-

ворить о Тетреганга, и там предполагался рассказ о Додонѣ и Энеѣ; стихотвореніе, къ этому относящееся, отсутствуетъ.

Данте, объясняя въ началѣ своей философской книги ея цѣль, говоритъ, что многіе, благодаря неясности канцонъ, которыя онъ написалъ на благо своихъ ближнихъ, удивляются болѣе ихъ красотѣ, нежели ихъ достоинству, разумѣя подъ послѣднимъ философско-моральное содержаніе. Это послѣднее онъ хочетъ теперь сдѣлать общедоступнымъ; ибо, кто обладаетъ знаніемъ, на томъ лежитъ обязанность сообщать его другимъ, и самъ онъ, скромно прибавляетъ поэтъ, «правда, не принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ блаженныхъ, которые воссѣдаютъ за столомъ, гдѣ вкушаютъ пищу ангеловъ,.... но, удалившись отъ пастбища толпы, онъ находится у ногъ тѣхъ, которые тамъ сидятъ, и собираетъ крохи, падающія съ ихъ стола». Продолжая развивать этотъ образъ, онъ называетъ свое сочиненіе пиршествомъ, гдѣ кушаньями являются канцоны, а комментарий служитъ приправой, дѣлающей ихъ вкусными и удобоваримыми. Такимъ образомъ цѣль та же, что и у Брунетто Латини и у другихъ, именно популяризація, распространеніе знаній, но у Данте она примѣняется къ предмету гораздо болѣе возвышенному¹⁾. Онъ пишетъ, какъ самъ онъ говоритъ, не для такъ называемыхъ ученыхъ; ибо они профанируютъ литературу, превращаютъ благородную женщину въ продажную, въ то время какъ они извлекаютъ изъ нея выгоду; онъ пишетъ для тѣхъ, кто обладаетъ «добротой духа» (*bontà dell'animo*), тутъ разумѣются вѣстители, бароны, рыцари и многіе другіе изъ благородныхъ, не только мужчины, но и женщины (I, 9). Это объясненіе весьма важно, и Данте самъ вполне понимаетъ все его значеніе, когда въ концѣ перваго трактата восклицаетъ: «Это будетъ тѣмъ ячменнымъ хлѣбомъ, которымъ насытятся тысячи, и у меня все же останутся полныя корзины. Это будетъ новымъ свѣтомъ, новымъ солнцемъ, которое взойдетъ тамъ, гдѣ заходитъ старое, и озаритъ своимъ сіяньемъ тѣхъ, вокругъ которыхъ ночь и мракъ, ибо старое солнце имъ не свѣтитъ».

Эта популярная цѣль была главной причиной еще другого новшества. Данте писалъ свои научныя статьи не по латински, а по итальянски, ибо латинскій языкъ былъ бы непонятенъ для благородныхъ рыцарей и дамъ, для которыхъ эти статьи предназначались. Правда, уже и до Данте, въ 13-мъ столѣтіи, ученые сочиненія писались по итальянски, какъ, напр. «*Composizione del Mondo*» Ристоро; въ особенности много было сдѣлано переводовъ съ латинскаго. Но для работы такой важности, какъ *Convivio*, гдѣ, согласно съ научными пріемами великихъ схоластиковъ, говорилось о метафизикѣ, практической философіи и естествознаніи, никто не рискнулъ бы воспользоваться

¹⁾ Данте популяренъ въ противоположность школь, но при этомъ все же аристократиченъ; ибо по отношенію къ массѣ онъ всегда держался въ сторонѣ.

народнымъ языкомъ. Насколько важнымъ это нововведеніе представлялось самому Данте, онъ совершенно ясно показалъ тѣмъ фактомъ, что въ девяти главахъ, составляющихъ почти весь первый трактатъ, онъ считаетъ себя обязаннымъ оправдаться въ томъ, что къ такому благородному кушанью онъ подаетъ ячменный хлѣбъ (т. е. итальянскій комментарий), а не пшеничный (латинскій). И здѣсь начинается восторженная, болѣе того, страстная защита итальянскаго языка. По отношенію къ нему онъ чувствуетъ обязанности любви и благодарности, обязанности относительно друга и благодѣтеля, онъ видитъ въ немъ свой родной языкъ, языкъ своихъ отцовъ, языкъ, на которомъ онъ писалъ стихи, который открылъ ему дорогу къ знанію. Поэтому онъ хочетъ сдѣлать видимыми его превосходныя качества, до тѣхъ поръ скрывавшіяся; ибо здѣсь, гдѣ этотъ языкъ выступалъ безъ заемныхъ прикрасъ рифмъ и ритма и выражалъ новыя и высокія мысли почти такъ же хорошо, какъ латинскій, онъ долженъ былъ вполнѣ выказать свою самобытную красоту и силу. А людей, пренебрегающихъ родной рѣчью и предпочитающихъ чуждые языки, въ особенности провансальскій, онъ называетъ «отвратительными вырождаками Италіи, которые считаютъ низкимъ это драгоценное *volgare*, между тѣмъ какъ оно можетъ быть низкимъ только въ одномъ случаѣ, именно, когда звучитъ въ устахъ этихъ продажныхъ прелюбодѣевъ».

То, что сдѣлалъ Данте для обезпеченія за итальянскимъ языкомъ перевѣса надъ латинскимъ, съ которымъ онъ вступилъ въ споръ изъ-за господства въ литературѣ, принадлежитъ къ числу его лучшихъ и самыхъ блестящихъ заслугъ. Сколько у него было зоркости въ данномъ отношеніи, доказываетъ примѣръ младшаго писателя, Петрарки, который снова оказалъ предпочтеніе латинскому, и изъ произведеній котораго не умерли только тѣ, что были написаны по итальянски. Однако и Данте лишь мало по малу освободился отъ предрассудка эпохи въ пользу латыни, и это освобожденіе никогда не было совершеннымъ. *Vita Nuova*, сообразно съ указаніемъ въ главѣ 31-й, была, какъ кажется, написана на итальянскомъ языкѣ по побужденію Гвидо Кавальканти, которому Данте ее посвятилъ; но въ главѣ 25-й здѣсь еще высказывается воззрѣніе, что въ поэтическомъ творествѣ можно пользоваться *volgare* лишь тогда, когда говорится о любви, ибо тутъ преслѣдуется цѣль быть понятнымъ для женщинъ. Въ *Convivio* за латинскимъ признается большее благородство, ибо этотъ языкъ «постояненъ и невредимъ», между тѣмъ какъ *volgare* «непостоянно и способно къ поврежденію», затѣмъ указывается, что латинскій языкъ прекраснѣе, что онъ слѣдуетъ правиламъ искусства, между тѣмъ какъ *volgare* согласуется лишь съ условіями повседневно употребленія, что онъ можетъ говорить о вещахъ, для которыхъ *volgare* оказывается недостаточнымъ. Въ качествѣ причины, почему

въ первой канцонѣ примѣняется аллегорія, высказывается та мысль, что никакое стихотвореніе, пользующееся *volgare*, не представляется достойнымъ восхвалять философію прямо, безъ покровъ. Между тѣмъ Данте тогда уже писалъ по итальянскя свои канцоны о добродѣтели; онъ пользуется *volgare* при обсужденіи высшихъ вопросовъ знанія и защищаетъ его и прославляетъ въ выраженіяхъ, идущихъ прямо отъ сердца. Такимъ образомъ прогрессъ значителенъ. Небольшая книжка *De Eloquentia Volgarī* стоитъ приблизительно на той же самой точкѣ зрѣнія; въ качествѣ сюжетовъ для итальянскаго поэтическаго творчества указываются, наряду съ любовью, добродѣтель и интересы оружія. Здѣсь за *volgare* признается даже большее благородство, чѣмъ за латинскимъ языкомъ, — какъ разъ обратное тому, что мы видимъ въ *Convivio*. Однако, по справедливому замѣчанію Франческо д'Овидіо, нельзя педантически понимать такое смутное выраженіе (*obile*); приговоръ можетъ склоняться то въ ту, то въ другую сторону, смотря по различію пониманія этого слова и соотвѣтственно съ перемѣной цѣли, которой задается авторъ. Латинскіе поэты все еще являются здѣсь выдѣленными изъ числа поэтовъ *volgare*, какъ поэты *magni et regulares*, ибо они нишуть сообразно съ правилами искусства, между тѣмъ какъ тѣ сообразуются только съ случаемъ. Если Данте написалъ книгу, трактующую объ итальянскомъ языкѣ, по латински, онъ, конечно, имѣлъ на это свое основаніе, именно, онъ обращался въ ней къ лицамъ, презирающимъ *volgare*, къ лицамъ, которыя читали только латинскія книги, и съ которыми, слѣдовательно, онъ долженъ былъ говорить какъ разъ на этомъ языкѣ, чтобы опровергать ихъ воззрѣнія. Это сочиненіе также относится къ эпохѣ изгнанничества, о которомъ въ ней идетъ рѣчь (I, 6). О *Convivio* здѣсь упоминается, какъ о вещи предполагаемой (I, 5): «Объ этомъ подробнѣе будетъ говориться въ другомъ мѣстѣ, въ книгѣ, которую я, съ Божьей помощью, думаю написать о народномъ языкѣ (*di volgare eloquenzia*)». Но въ книгѣ имѣется историческое указаніе, которое заставляетъ отнести ее къ эпохѣ до 1305-го года, именно упоминаніе о Іоаннѣ Монферратскомъ, какъ о живомъ, а онъ умеръ въ январѣ 1305-го года (I, 12), слѣдовательно слова *Convivio* хотятъ сказать, что книга, какъ таковая, еще не существовала, т. е. еще не была закончена и опубликована, что не исключаетъ возможности того факта, что одна изъ частей была уже вполне отдѣлана. Такого мнѣнія держится Фратичелли, то же самое говоритъ и д'Овидіо.

Но и эта работа Данте также осталась незаконченной, неизвѣстно почему. Она должна была включать въ себя по крайней мѣрѣ четыре книги, ибо въ ней нѣсколько разъ дѣлается ссылка на цифру четыре (II, 4 и 8), прерывается же она въ серединѣ 14-й главы 2-й книги. Ея первоначальное заглавіе — *De eloquentia vulgari*; такъ обозначаетъ Данте сюжетъ своего трактата въ текстѣ этого по-

слѣднаго (въ началѣ и въ концѣ 1-й книги) и въ *Convivio*. Позднѣе книгу называли *De vulgari eloquio*, такъ ее обозначалъ уже Джіованни Виллани; но въ этомъ однако не было никакого непониманія относительно задачи автора; ибо Данте дѣйствительно хотѣлъ говорить о народномъ языкѣ, а не исключительно о поэтическомъ стилѣ, какъ многократно предполагали. Лишь незаконченность книги можетъ давать ей такой видъ, что мы какъ будто имѣемъ дѣло только съ обыкновенной поэтикой; авторъ въ началѣ совершенно точно опредѣляетъ, что *eloquentia vulgaris*, разсмотрѣніемъ которой онъ занимается, необходима всѣмъ, что къ ней испытываютъ стремленіе не только мужчины, но также женщины и дѣти, и въ концѣ 1-й книги онъ опредѣляетъ, какъ свою задачу, — разсмотрѣть послѣ *vulgare illustre* и остальные *vulgaria*, нисходя къ тому, которое является принадлежностью лишь одной семьи. Такимъ образомъ ученіе о стилѣ и формѣ поэтическаго творчества являлось лишь подраздѣленіемъ всего сочиненія, и *eloquentia* Данте представляетъ изъ себя *языкъ*, или во всякомъ случаѣ *красноречіе* вообще ¹⁾.

По обычаю своего времени Данте начинаетъ съ самаго происхожденія языка, онъ отвѣчаетъ на вопросы, почему онъ данъ человѣку, и почему только ему одному, а не данъ ангеламъ и животнымъ, да и на какомъ языкѣ говорилъ Адамъ, причемъ онъ склоняется въ пользу еврейскаго. Затѣмъ онъ говоритъ о Вавилонскомъ столпотвореніи и о происхожденіи различныхъ языковъ и семействъ языковъ, которыхъ онъ въ Европѣ насчитываетъ три. Одна семья — романскія нарѣчія, въ которыхъ онъ такимъ образомъ признаетъ общее основаніе, первичное единство, хотя и неправильно объясняетъ его. Романскихъ языковъ, по мнѣнію Данте, существуетъ также три, которые онъ, раздѣляя по ихъ утвердительнымъ частицамъ, называетъ, по манерѣ, сдѣлавшейся потомъ столь обычной, *lingue dell'oc dell'oïl и del sì*. Были-ли ему дѣйствительно неизвѣстны испанскій и португальскій, или и здѣсь сказывается пристрастіе къ символическому числу три? *Hispani* являются у него представителями *lingua d'oc*, между тѣмъ какъ, по языку, къ данной сферѣ относились только двѣ сѣверо-восточныя провинціи. Въ свою очередь раздѣлялись и отдѣльные языки; различно говорили въ различныхъ провинціяхъ, въ различныхъ городахъ, иногда даже въ различныхъ кварталахъ одного и того же города. Причина этого, какъ полагаетъ Данте, кроется въ перемѣнѣ, которой подвержено все человѣческое, и которая, въ области языка, въ различныхъ мѣстахъ совершалась различно. Такимъ образомъ люди болѣе уже не понимаютъ другъ друга, они уже не

¹⁾ Точно такъ же Пьетро Аллигеріи, въ книгѣ *Commentarium*, изд. Наннуччи, стр. 84, употребляетъ *eloquentia* въ смыслѣ *favella* (языкъ): «*Rhadamanthus vero iudicat de eloquentia, utrum sit vera, ficta vel otiosa; unde „Rhadamanthus“, idest „iudicans verba“.*»

понимають того, что было сказано ихъ предками, откуда происходитъ необходимая потребность въ общемъ языкѣ, на который не имѣетъ никакого вліянія отдаленность мѣста и времени. Въ качествѣ такого языка, была изобрѣтена Grammatica, т. е. латынь, которая неизмѣнна, ибо «она была скована правилами по взаимному соглашенію многихъ народовъ» (I, 9). Итакъ, по мнѣнію Данте, романскіе языки не произошли отъ латинскаго; наоборотъ, латинскій является лишь позднѣйшимъ изобрѣтеніемъ, искусственнымъ продуктомъ въ противоположность тѣмъ природнымъ продуктамъ. Народный языкъ (la lingua volgare) относится къ незапамятной древности, онъ представляетъ изъ себя естественный языкъ человѣка, которому этотъ послѣдній научается безъ всякихъ правилъ, отъ окружающей обстановки, когда впервые начинаетъ образовывать слова; знаніе грамматики, латыни, приобрѣтается посредствомъ изученія и только немногими.

Далѣе Данте ставитъ вопросъ, какой среди трехъ романскихъ языковъ имѣетъ право на предпочтеніе; онъ не рѣшаетъ этого вопроса, потому что за каждымъ языкомъ есть свои литературныя заслуги; но, какъ ему кажется, два обстоятельства говорятъ въ пользу итальянскаго языка, именно, болѣе сильное тяготѣніе къ общему языку грамматики и примѣненіе его къ самой совершенной лирикѣ, къ лирикѣ *dolce stil nuovo*. Но въ Италіи много различныхъ *vulgaria*, много нарѣчій, изъ которыхъ авторъ насчитываетъ главнымъ образомъ четырнадцать, раздѣляя ихъ на два большіе отдѣла — на востокъ и на западъ отъ аппенинскаго горнаго хребта. Какое среди этого множества нарѣчій является тѣмъ благороднымъ итальянскимъ *vulgare*, которое онъ ставитъ наряду съ другими романскими языками и за которымъ даже признаетъ извѣстнаго рода преимущество? Данте разсматриваетъ отдѣльные діалекты, приводитъ изъ cadaго нѣкоторыя слова, въ качествѣ образцовъ, и, сравнивая ихъ съ задуманнымъ имъ литературнымъ типомъ, онъ отбрасываетъ ихъ всѣ и, съ свойственной ему страстностью и нетерпѣніемъ, язвительно бранитъ почти каждое нарѣчіе, между прочимъ и тосканское; болѣе того, тосканцевъ онъ порицаетъ въ особенности горячо, ибо они утверждаютъ, что обладаютъ благороднымъ языкомъ, между тѣмъ какъ пишутъ и говорятъ съ большими ошибками. Но въ своемъ изысканіи онъ опять-таки нашелъ слѣды этого высшаго *vulgare* въ самыхъ различныхъ мѣстностяхъ, въ Сициліи, Апуліи, Тосканѣ, Болоньѣ, отдѣльные штрихи также въ Романьѣ, Ломбардіи и Венеціи, именно у придворныхъ поэтовъ, которые, отдаляясь отъ спеціального говора своихъ провинцій, вездѣ пользуются однимъ и тѣмъ же способомъ выраженія. Таково знаменитое дантевское ученіе о національномъ языкѣ, который, будучи общимъ для всѣхъ мѣстностей страны, не имѣетъ тождества ни съ однимъ изъ діалектовъ и возвышается надъ всѣми. И мы также говоримъ теперь, что ни одно изъ нарѣчій не соответствуетъ вполне

языку письменному; но мы признаемъ при этомъ, что его отношеніе къ отдѣльнымъ діалектамъ весьма различно, что одно изъ нихъ является его основаніемъ, и что письменный языкъ возникаетъ черезъ простое выдѣленіе изъ этого нарѣчія извѣстныхъ элементовъ, въ то время какъ отъ другихъ онъ отличается звуками и формами. Какъ замѣтилъ д'Овидіо, Данте еще не былъ въ состояніи сдѣлать это различеніе между языкомъ и стилемъ; онъ обозначаетъ оба словомъ *lingua*, онъ не видалъ, что литературный языкъ, которымъ онъ пользовался, проистекалъ изъ тосканскаго, несмотря на различія, имъ замѣченныя. Онъ даже и не могъ этого допустить, потому что согласно съ его возрѣніями литературный языкъ, какъ нѣчто болѣе превосходное и благородное, долженъ былъ существовать прежде, а діалекты были порчей этого чистаго типа, существованіе котораго онъ съ помощью схоластической дедукціи, доказывалъ а priori. Въ каждомъ родѣ явленій, говоритъ онъ, есть одна простая основная форма, служащая для нихъ мѣриломъ. какъ напр. для чиселъ—единица, для цвѣтовъ—бѣлый, для человѣческихъ поступковъ—добродѣтель и т. д. Такимъ образомъ основной формой *vulgaria* является общій языкъ. Какъ есть *vulgare* кременское, такъ есть *vulgare* для всей Ломбардіи, и потомъ для всей лѣвой половины Италіи, и, наконецъ, для всей Италіи, и какъ первое называется кременскимъ, второе — ломбардскимъ, третье—*Semilatum* (не слѣдуетъ-ли читать *Semilatinum*?), такъ четвертое мы называемъ *Latinum vulgare*, итальянскимъ. Для насъ этотъ общій основной типъ—абстракція, существующая лишь въ деталяхъ, но для Данте все универсальное было реальной дѣйствительностью, и онъ поэтому не останавливается болѣе надъ вопросомъ, какимъ образомъ достигли до этого типа, и откуда происходитъ общій языкъ, на которомъ писали лучшіе поэты всѣхъ мѣстностей.

Данте осыпаетъ самыми восторженными эпитетами найденный такимъ образомъ языкъ; это—*vulgare illustre, cardinale, aulicum, curiale*, т. е. благородный и совершенный языкъ поэтическаго творчества, доставляющій славу и почести, это—придворный языкъ, языкъ образованнаго общества. Въ Италіи, правда, не было двора, при которомъ бы говорили на немъ, на зато были отдѣльные члены идеальнаго двора, т. е. лучшіе люди націи и, въ особенности, выдающіеся поэты, которые чувствуютъ себя связанными узами духовной общности, какъ всѣ придворные связаны воедино личностью правителя. Но это *vulgare illustre* не можетъ быть равномерно примѣняемо ко всѣмъ родамъ литературнаго творчества. Данте различаетъ три рода стиля, стиль трагическаго, комическаго и элегическаго, причемъ данныя обозначенія нужно понимать здѣсь не въ классическомъ смыслѣ, но въ весьма отличномъ отъ него—средневѣковомъ, именно, какъ различеніе соотвѣтственно съ большей или меньшей торжественностью и возвышенностью поэтическаго творчества. *Vulgare illustre* является

языкомъ пригоднымъ только для трагедіи, высшій родъ стили, и здѣсь примѣняется также высшая, наиболѣе торжественная, поэтическая форма, канцона, въ противоположность которой баллада и сонетъ занимаютъ низшее положеніе и пользуются *vulgare mediocre*. Такимъ образомъ въ литературномъ отношеніи *vulgare illustre* Данте есть нечто иное, какъ языкъ канцоны, и потому понятно, что въ извѣстныхъ письмахъ-сонетахъ и въ особенности въ «Божественной Комедіи» онъ могъ допускать себѣ большую свободу въ употребленіи идиоматическихъ формъ, могъ употреблять даже такія слова, которыя въ трактатѣ онъ усиленно порицаетъ, имѣя въ виду именно благороднѣйшій типъ *vulgare illustre*.

Въ остальныхъ сохранившихся главахъ 2-й книги (II, 5 слѣд.) авторъ занимается стилистическими и метрическими особенностями канцоны. Строгий и, собственно говоря, мелочной выборъ словъ и конструкцій показываетъ намъ жеманный вкусъ аристократическаго искусства. Но руководящія правила остаются недостаточными, и кто самъ раньше не имѣлъ подходящихъ свѣдѣній, тотъ мало могъ найти здѣсь поученія. Гораздо интереснѣе и важнѣе, особенно въ смыслѣ ознакомленія съ законами стариннаго метра, указанія относительно структуры стихотворенія, относительно стиха, строфы и ея расчлененія, и относительно обычной въ то время терминологіи. О сонетѣ и балладѣ должна была идти рѣчь въ той части, которая осталась неписанной.

Работа Данте содержитъ въ себѣ разныя ошибки; если онъ своей идеей и возвышется надъ господствующимъ предрасудкомъ, въ частностяхъ онъ все еще не можетъ отъ него освободиться, и ставя важную проблему, онъ не можетъ рѣшить ее настоящимъ образомъ; ибо съ его методомъ логически были сопряжены недостатки, свойственные школѣ той эпохи. Но именно самая идея произведенія, указываетъ намъ на смѣлость его духа; онъ первый изъ своихъ соотечественниковъ сумѣлъ возвыситься — отъ произвольнаго употребленія *vulgare* до извѣстной теоретической сознательности; его книжка является первымъ научнымъ разсмотрѣніемъ итальянскаго языка, и вообще это первая, снабженная правилами, *Ars poetica* для народнаго языка, ибо до нея были подобныя только для латинскаго. Такимъ образомъ итальянское поэтическое творчество, начавшее развиваться среди романскихъ послѣднимъ, черезъ посредство оригинальнаго гения Данте прежде всѣхъ другихъ и почти въ самомъ своемъ началѣ соединилось съ рефлексіей, съ теоріей искусства.

Неустанное рвеніе, съ которымъ Данте отдался послѣ смерти Беатриче изученію и изслѣдованіямъ, на нѣкоторое время затемнило въ немъ идеаль, бывшій дотолѣ единственнымъ, ослабило господствующую идею его души. Къ этому присоединились еще другія вліянія, побуждавшія воспоминанія объ умершей. Въ концѣ *Vita Nuova* Данте рассказываетъ, какъ однажды, будучи погруженъ въ безутѣш-

ную скорбь, онъ замѣтилъ у одного изъ оконъ прекрасную женщину, смотрѣвшую на него съ глубокимъ состраданіемъ, и какъ, видя ее снова и снова, онъ сталъ находить въ этомъ такое удовольствіе, что подвергся опасности забыть скорбь объ умершей возлюбленной, и какъ отсюда простекла страстная внутренняя борьба, кончившаяся, однако, послѣ видѣнія, побѣдой Беатриче. Самъ Данте позднѣе отождествилъ эту утѣшительницу, эту, какъ онъ обыкновенно называетъ ее, *donna pietosa* или *donna gentile*, съ *Madonna la Filosofia*, съ возлюбленной аллегорическихъ канцонъ и *Convivio*; въ ея первоначальной реальности не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія; но не слѣдуетъ упрекать поэта за этотъ маленькій обманъ; ибо его чувства къ *donna gentile*, которыя въ періодъ экзальтаціи показались ему сперва такими преступными, на самомъ дѣлѣ были ничѣмъ инымъ, какъ совершенно невинной и скоро-преходящей склонностью, что онъ и самъ позднѣе долженъ былъ признать.

Наоборотъ, совершенно иного рода другая любовь Данте, нашедшая свое выраженіе въ нѣсколькихъ изъ его стихотвореній. Это четыре канцоны, взаимная связь которыхъ видна изъ того, что во всѣхъ поэтъ играетъ словомъ *Pietra* или по крайней мѣрѣ упоминаетъ это слово многозначительнымъ образомъ. Общимъ характеромъ четырехъ стихотвореній, отличающимъ ихъ отъ аллегорическихъ и отъ стихотвореній посвященныхъ Беатриче, является рѣзкій реалистическій тонъ. Канцона *Così nel mio parlar voglio esser aspro* проникнута пылкой чувственностью, написана грубымъ, неудержимо-энергичнымъ языкомъ и потому исполнена непосредственной силы и поэзіи. Будучи отвергнута своей возлюбленной, поэтъ представляетъ себѣ, что и съ ней когда-нибудь можетъ случиться такое же несчастіе, и онъ упивается мыслью о томъ, какъ тогда, схвативши ее за эти бѣлокурые локоны, являющіеся теперь его бичами, онъ устремитъ свой неотступный взглядъ въ ея глаза, и такъ отомститъ, и насытитъ свою жажду любви. Описаніе мукъ, образъ страшнаго *Amore*, который швырнулъ его на землю и осыпаетъ его своими ударами, исполнены поразительной силы страсти. Затѣмъ однимъ изъ лучшихъ произведеній Данте вообще является канцона: *Io son venuto al punto della rota*. Въ сильныхъ пластическихъ образахъ и выраженіяхъ описывается зима, ея леденящее уничтожающее дѣйствіе по отношенію къ внѣшнему міру, и въ качествѣ контраста къ этому—всегда пылающая любовью душа поэта. Это—сюжетъ уже хорошо извѣстный трубадурамъ; но никогда это противопоставленіе природы душевному состоянію не было проведено съ такимъ искусствомъ; каждая строфа начинается сельской картиной и кончается меланхолической мыслью о собственной несчастной страсти; въ особенности сильна пятая строфа:

Versan le vene le fumifere acque

Per li vapor, che la terra ha nel ventre,

Che d'abisso le tira suso in alto;
 Onde'l cammino al bel giorno mi piacque,
 Cho ora è fatto vivo, e sarà, mentre
 Che durera del verno il grande assalto.
 La terra fa un suol che par di smalto,
 E l'acqua morta si converte in vetro
 Per la freddura che di fuor la serra.
 Ed io della mia guerra
 Non son però tornato un passo arretro.
 Nè vo'tornar; chè se'l martirio è dolce,
 La morte de'passare agni altro dolce.

* * *

Ручьи струятъ дымящіяся воды,
 Земля таила въ чревѣ испаренья,
 Они теперь спѣшать изъ бездны вверхъ;
 Гдѣ я любилъ бродить при свѣтѣ солнца,
 На томъ пути—теперь кипить ручей,
 И онъ кипѣть, дымиться не устанетъ,
 Пока не смолкнуть земныхъ бурь набѣги.
 Земля тверда, какъ камень изумрудный,
 И какъ стекло—стоячая вода,
 Въ объятяхъ леденящаго мороза.
 Но я въ своей борьбѣ съ самимъ собою
 Не отступилъ отъ скорби ни на шагъ
 И впредь не отступлю; и скорбь—мнѣ сладость,
 И сладостнѣй, чѣмъ все, что сладко,—смерть.

Стихотвореніе *Al poco giorno ed al gran cerchio d'ombra* тѣсно связано съ предъидущимъ и въ первой строфѣ еще разъ резюмируетъ его мысль. Въ концѣ поэтъ высказываетъ желаніе, которое часто истолковывалось комментаторами дурно; онъ хотѣлъ бы увидѣть возлюбленную въ уединенномъ мѣстѣ, на зеленомъ лугу, окруженномъ высокими холмами, и чтобъ она была исполнена любви; но прежде, чѣмъ это случится, ручьи потекутъ вверхъ по горамъ. Данное стихотвореніе является сестиной, т. е. оно представляетъ изъ себя ту искусственную форму, которую изобрѣлъ Арно Даніэль; на провансальскомъ языкѣ ей подражали лишь немногіе, а въ итальянскую поэзію ее впервые ввелъ Данте. Какъ въ послѣдствіи неоднократно оказалось, эта форма отнюдь не была счастливымъ приобрѣтеніемъ; возвращеніе однихъ и тѣхъ же шести заключительныхъ словъ на протяженіи шести строфъ и *congedo* изъ трехъ строкъ и всегда въ другомъ, строго предписанномъ, послѣдовательномъ порядкѣ (именно, съ парной перемѣной, шестаго стиха съ первымъ, пятаго со вторымъ, четвертаго съ третьимъ:

I, abcdef. II, faebdc. III, cfdabe и т. д.), —

эти особенности являются несносными путями для мысли; не пред-

ставляя въ то же время никакого вознагражденія въ отношеніи звучности. И весьма достопримѣчательно, что именно здѣсь, гдѣ творчество Данте имѣетъ реалистическій характеръ, искусственность формы и игра словами занимаютъ наибольшее мѣсто. Въ канцонѣ *Io son venuto* мы видѣли эти элементы въ ограниченной мѣрѣ, и тамъ они довольно умѣстны; повтореніе слова, служащаго рифмой, въ обоихъ заключительныхъ стихахъ каждой строфы (*rima equívoca*), производитъ на насъ впечатлѣніе какъ бы повторныхъ ударовъ одной и той же мысли, угнетающей поэта. Наоборотъ, въ канцонѣ *Amor tu vedi ben che questa donna* содержаніе совершенно загромождено искусственностью формы. То, что изобрѣлъ Данте, еще ни разу не было предметомъ попытки, какъ онъ самъ съ гордостью указываетъ въ *songedo*; насколько онъ цѣнилъ свое изобрѣтеніе, видно изъ упоминанія въ *De eloquentia vulgari*, II, 13, гдѣ Данте называетъ его *novum aliquod atque intentatum artis*. Здѣсь тѣ же самые заключительныя слова повторяются не только внутри строфъ (обычныя *rima equívoche*), но они возвращаются также черезъ всѣ строфы, такимъ образомъ, что послѣднее заключительное слово одной строфы занимаетъ въ слѣдующей строфѣ мѣсто перваго, что касается другихъ словъ, каждое занимаетъ мѣсто, которое въ первой строфѣ за нимъ слѣдовало:

I: a b a a c a a d d a e e.

II: e a e e b e e c c e d d.

III: d e d d a d d b b d c c.

Такимъ образомъ идутъ пять строфъ, b наконецъ является въ началѣ и a въ концѣ, и *songedo* имѣетъ такой видъ: a e d d c b. Это называется двойной сестиной, не вполне справедливо, ибо здѣсь только пять заключительныхъ словъ и порядокъ совершенно иной, нежели въ сестинѣ; но такая сложная форма развилась изъ этой послѣдней. Можно осуждать такую игру словами, разсматривая это явленіе само по себѣ, но нельзя не удивляться, до какой степени Данте владеетъ словомъ, умѣя выбраться изъ такихъ затрудненій и излагая свои мысли съ достаточной ясностью, въ то время какъ болѣе раннія, и при этомъ гораздо болѣе простыя, *rima equívoche* въ большинствѣ случаевъ совершенно непонятны.

Кто была эта *Pietra*, дѣйствительное или фиктивное имя которой послужило предлогомъ для игры словъ въ четырехъ стихотвореніяхъ? Въ XVI столѣтіи Антонъ Марія Амади высказалъ предположеніе, что это была Пьетра дельи Скровени изъ Падуи, но Кардуччи отвергъ эту догадку, а Витторіо Имбріани разоблачили легковѣсность открытія. Новѣйшія догадки относительно личности не были удачными, и мы должны остановиться на томъ, что эта личность для насъ неизвѣстна, какъ столь многое въ жизни Данте. Справедливо, однако, Кардуччи и Имбріани относятъ эти стихотворенія къ эпохѣ предше-

ствующей изгнанію, т. е. къ эпохѣ девяностыхъ годовъ; это юношескій языкъ страсти. И конечно мы имѣемъ здѣсь дѣло съ чувственной любовью; въ особенности если прочесть канцону *Così nel mio parlar*, — не зародится мысль ни о философіи, ни еще менѣе о Беатриче или о другой идеальной склонности.

Въ противовѣсъ этой мистической экзальтаціи, этому религіозному культу женственнаго идеала, чувственность заявляла о своихъ правахъ. У поэта, при живости фантазіи и темперамента, земныя чувства какъ разъ бывають обыкновенно особенно сильны. И это — общая черта у всѣхъ поэтовъ *dolce stil nuovo*; они одухотворили свои ощущенія, привели ихъ въ связь со всѣмъ, что есть наиболѣе идеальнаго; но при этомъ чистомъ обожаніи женщины не могло быть недостатка и въ матеріальныхъ чувствахъ. Данте находитъ основателя этого культа любви, Гвидо Гвиничелли, въ седьмомъ кругѣ чистища, гдѣ подлежали искупленію тѣлесныя похоти (*luxuria*). Самъ Данте изъ всѣхъ круговъ горы только въ этомъ принимаетъ участіе въ искупительныхъ мукахъ душъ; прежде чѣмъ достигъ земнаго рая, онъ долженъ пройти, черезъ очищающій огонь и чувствуетъ его пламя такъ сильно, что бросился бы въ расплавленное стекло (*bogliente vetro*), для того чтобъ освѣжиться. Въ аду, какъ было замѣчено, онъ испытываетъ глубочайшее состраданіе къ тѣмъ, которые осуждены за любовныя грѣхи, какъ Франческа и Паоло. Что Гвидо Кавальканти не былъ свободенъ отъ земныхъ чувствъ, доказываютъ нѣкоторыя изъ его стихотвореній. Это была безумная любовь, *folle amore*, какъ ее называли уже провансальскіе и старофранцузскіе поэты, противопоставляя ее любви добродѣтельной; она могла на время возмутить чистое духовное чувство, но не уничтожить его; это чувство было религіей, человѣкъ не переставалъ быть человѣкомъ; онъ грѣшилъ и съ раскаяніемъ возвращался къ обожанію своего идеала. Такой періодъ заблужденій былъ и у Данте. Это былъ тотъ періодъ, когда Гвидо Кавальканти обратился къ нему съ своимъ сонетомъ:

Io vengo il giorno a te infinite volte

E trovoti pensar troppo vilmente.

Гвидо сѣтуетъ, что не можетъ болѣе его посѣщать, не можетъ болѣе хвалить, какъ прежде, его стихи, безъ опасенія испортить собственную репутацію, по причинѣ недостойнаго образа жизни, которымъ онъ унижаетъ свой благородный духъ; по причинѣ сношеній съ ничтожными людьми (*gente noiosa*), которыхъ онъ раньше избѣгалъ.

На эти, по мнѣнію Гвидо, недостойныя сношенія бросаетъ еще нѣкоторый свѣтъ одно мѣсто въ «Божественной Комедіи», а также одинъ изъ сонетовъ — писемъ Данте и вмѣстѣ съ тѣмъ мы можемъ

нѣсколько точнѣ опредѣлить этотъ періодъ юношеской распушенности. Когда Данте въ шестомъ кругѣ чистилища встрѣчаетъ душу своего друга Форезе Донати, который искупаетъ порокъ бражничанья, онъ напоминаетъ этому послѣднему о ихъ прежней совмѣстной жизни такими словами (Purg XXIII, 115): «Если ты вспомнишь, каковъ ты былъ со мной и каковъ я былъ съ тобой, воспоминаніе все еще будетъ для тебя тягостнымъ. Отъ этой жизни меня отвратилъ всен тотъ, который идетъ передо мною» (т. е. Виргилій).

... Se ti riduci a mente
Qual fosti meco e quale io teco fui,
Ancor fia grave il memorar presente.
Di quella vita mi volse costui
Che mi va innanzi...

Форезе былъ братомъ того Корсо Донати, который впоследствии сдѣлался жесточайшимъ врагомъ Данте и его партіи; онъ умеръ 28 іюля 1296 года. Слова Данте издавна понимались, какъ увѣщанія противъ общихъ людямъ заблужденій, противъ безпутной жизни, и это, конечно, вполне справедливо; нельзя только держаться ошибочнаго мнѣнія, будто Данте принималъ участіе въ наклонности Форезе къ пиршественнымъ утѣхамъ, какъ между прочимъ думаетъ и Витте. Имѣютъ ли тѣ слова непосредственное отношеніе къ пороку того искупительнаго круга, въ которомъ въ данную минуту находится говорящій, мы этого не можемъ знать; седьмой кругъ, гдѣ наказывается *luxuria*, находится еще надъ Форезе; и въ этомъ также онъ, можетъ быть, долженъ былъ оставаться еще долгое время, и этотъ порокъ могъ быть у него общимъ съ другомъ. Далѣе со взглядомъ Витте находится въ непосредственномъ противорѣчій второе свидѣтельство, которое мы имѣли касательно отношеній между Данте и Форезе.

Это—переписка изъ пяти сонетовъ, два отъ Форезе къ Данте, три отъ Данте къ Форезе. Четыре изъ нихъ были извѣстны уже давно; но они считались подложными, ибо по характеру своему совершенно отличаются отъ другихъ произведеній Данте. Теперь ихъ истинность доказана, частью упоминаніемъ о нихъ въ дантевскомъ комментарий такъ называемаго *Anonimo Fiorentino*, частью содержащимися въ нихъ фактами. Если дѣйствительно тонъ этихъ стихотвореній совершенно иной, чѣмъ въ остальныхъ лирическихъ произведеніяхъ Данте, мы не должны этому удивляться. И у другихъ поэтовъ высокаго стиля мы видѣли такіе отдѣльные опыты реалистической манеры, которая нашла главныхъ своихъ представителей въ лицѣ Рустико ди Филиппо и Чекко Анджіоліери и шутивно или насмѣшливо занималась предметами повседневной жизни.

Гвидо Гвиничелли написалъ сонетъ о Лючіи съ пестрымъ капюшономъ и сонетъ противъ злой старой вѣдьмы, Гвидо Кавальканти писалъ о

разряженной горбуны. Точно также и Данте, послѣ того какъ онъ написалъ пѣсни о Беатриче, а быть можетъ уже и первую философскую канцону, не побоялся написать сонеты *Chi udisse tossir la mal fatata*, *Ben ti faganno il nodo Salamone*, и *Bicci Novel, figliuol di non so cui*, гдѣ въ грубыхъ, взятыхъ изъ повседневной жизни, словахъ, онъ упрекаетъ Форезе Донати, названнаго здѣсь прозвищемъ Биччи, въ томъ, что тотъ бросаетъ свою законную жену, въ томъ, что онъ мотаетъ свое состояніе, тратя деньги на безпутныя пиршества, упрекаетъ почти въ воровствѣ, на что въ качествѣ отвѣта, самъ онъ долженъ былъ принять насмѣшку Форезе надъ долготерпѣніемъ, съ которымъ онъ выносилъ оскорбленія, причинявшіяся его семьѣ. Какъ видно изъ отрывка въ *Purgatorio*, Данте и Форезе находились въ интимныхъ дружескихъ отношеніяхъ, и потому мы не должны серьезно относиться къ даннымъ упрекамъ; это, какъ думалъ и Дель Лунго, есть ничто иное, какъ забава, шутки нѣсколько грубыя, въ то время излюбленныя и прежде всего интересныя потому, что они даютъ намъ возможность видѣть великаго человѣка безъ пьедестала, съ его чисто человѣческой стороны и въ сферѣ обычной жизни его родного города. Именно поэтому также данные стихи, указывая посредствомъ намековъ и поговорокъ на обычаи и событія, которыхъ мы не знаемъ, во многихъ мѣстахъ остаются совершенно темными; расшифровать ихъ вполнѣ не удалось еще никому.

Данте упрекаетъ своего друга въ безпутной жизни; этого онъ не могъ сдѣлать даже и въ шутку, если самъ поступалъ не лучше; Форезе возвратилъ бы ему упрекъ. Слѣдовательно Данте, какъ виновный въ распушенной жизни, былъ сотоварищемъ Форезе не въ этомъ отношеніи, а въ другомъ. Данте упрекаетъ его потомъ въ пренебрежительномъ отношеніи къ женѣ, и безпутная жизнь дѣйствительно всегда отвлекаетъ отъ семейнаго очага; если Форезе не отвѣтилъ и на этотъ упрекъ, мы должны заключить, что именно тогда Данте не былъ еще женатъ.

Супруга Данте называлась Джеммой ди Манетто Донати и происходила отъ другой вѣтви той фамиліи, къ которой принадлежалъ Форезе и Корсо. Когда именно былъ заключенъ бракъ, нельзя сказать съ точностью; но если принимать во вниманіе соображеніе только что высказанное, самой ранней датой можетъ быть половина 90-хъ годовъ; ибо время написанія сонетовъ къ Форезе не можетъ слѣдовать непосредственно за смертью Беатриче. Что касается того вопроса, будто у Данте было многочисленное потомство, это трудно допустить; соотвѣтственно указаніямъ древнѣйшихъ біографовъ у него было семь дѣтей. Но Тодескини и Пассерини вычеркнули одну ихъ часть, какъ вымыселъ; остаются только два сына Пьетро и Якопо и дочь Антонія; противъ существованія второй дочери, Беатриче, Имбриани представилъ нѣсколько довольно существенныхъ воз-

ражений. О Джеммѣ Донати мы имѣемъ весьма ничтожныя свѣдѣнія; она пережила Данте и еще въ 1333 году упоминается въ одномъ документѣ; однако, какъ утверждаетъ Боккаччіо, Данте послѣ своего изгнанія никогда ее не видалъ; конечно, она и не могла на продолжительное время оставить Флоренцію, потому что, какъ опять-таки говоритъ Боккаччіо, послѣ разлуки съ супругомъ она жила вмѣстѣ съ своими дѣтьми въ бѣдности, и лишенному всякихъ средствъ отцу, при самой горячей любви, никакъ не могло придти въ голову тащить ихъ черезъ цѣлый свѣтъ въ собственную нищету. Въ своихъ сочиненіяхъ Данте ни слова не говоритъ о Джеммѣ. Но это вполне понятно; сюжеты, которые онъ разрабатывалъ, не давали ему къ этому ни малѣйшаго предлога. Любовь, которую онъ воспѣвалъ, была далека отъ той любви, которую онъ могъ найти у своей супруги. Любовь въ томъ видѣ, какъ она представлялась Данте и его современникамъ, собственно говоря, исключаетъ бракъ; всѣ эти поэты умалчиваютъ о своихъ семейныхъ отношеніяхъ совершенно. Жена играетъ прозаическую роль; она стоитъ совершенно внѣ литературнаго горизонта, и наряду съ тѣми чувствами, которыя къ ней питали, отлично могъ уживаться совершенно иной порядокъ чувствъ, считавшихся высшими. Уже поэтому совершенно невозможно видѣть въ Джеммѣ Донати *Donna consolatrice*, обрисованную въ *Vita Nuova*, какъ до сихъ поръ пытаются дѣлать очень многіе; ибо не говоря уже о томъ, что обстоятельства не подходятъ, бракъ въ глазахъ Данте отнюдь не могъ представляться контрастомъ по отношенію къ его любви, невѣрностью по отношенію къ Беатриче. Хотѣли потомъ найти скрытые косвенные намеки въ «Божественной Комедіи», долженствовавшіе изображать супружескіе раздоры и плохой характеръ Джеммы, и объ этомъ съ давнихъ поръ много говорили и спорили, безъ опредѣленныхъ результатовъ. Во всякомъ случаѣ нужно остерегаться выводить какія-нибудь абсолютныя логическія заключенія изъ моральныхъ инвективъ Данте; морализація и сатира легко преувеличиваютъ, на мгновенье увлекаютъ автора далѣе, чѣмъ онъ самъ пошелъ бы при спокойномъ разсмотрѣніи всѣхъ условій, — въ особенности это примѣнимо къ Данте съ его страстнымъ темпераментомъ; напримеръ, въ канцонѣ *Poscia ch' Amor* сказано въ концѣ, что всѣ живущіе поступаютъ противъ правилъ *Leggiadria*; но неужели изъ этого слѣдуетъ, будто поэтъ дѣйствительно думалъ, что на землѣ нѣтъ ни одного благороднаго человѣка? Это противорѣчило бы другимъ его собственнымъ утвержденіямъ. Изъ всѣхъ долгихъ изысканій относительно несчастной Джеммы Донати получается въ результатъ лишь то, что можно было знать заранѣе, именно, что бракъ Данте былъ фактомъ прозаическимъ, носилъ дѣловой характеръ и былъ заключенъ, безъ всякаго романтизма, въ видахъ исполненія обязанностей соціальнаго положенія, другими словами говоря, это былъ такой бракъ,

какими были почти всѣ тогдашніе браки, какими остаются многіе браки и теперь.

Старинная коммуна XIII вѣка не допускала для гражданина жизни въ праздности и созерцаніи, да и самая природа Данте побуждала его къ другому. Въ юности онъ поднималъ оружіе на защиту своего родного города; теперь онъ исполнялъ свои обязанности по отношенію къ ней личнымъ участіемъ въ общественныхъ дѣлахъ. Эта политическая дѣятельность была причиной его печальной участи; но его поэзія много приобрѣла въ суровой школѣ опыта и бѣдствій; ея коснулось дыханіе бурной жизни, она сдѣлалась выразительницей того, что тогда глубоко волновало все общество, всю эпоху. Теперь, когда мы смотримъ на все это издали, легко представить себѣ, что Данте долженъ былъ играть выдающуюся политическую роль; но въ тогдашней Флоренціи это было почти невозможно, даже и для генія. Государственное управленіе носило рѣшительно демократическій характеръ; администрація пріоровъ мѣнялась каждые два мѣсяца, и всѣ распоряженія должны были пройти цѣлый рядъ коллективныхъ собраній совѣта, прежде чѣмъ могли достигнуть исполненія. Индивидуумъ здѣсь еще не имѣлъ возможности проявленія, талантъ и умѣнье доставляли лишь временное преимущество. Поэтому въ настоящее время мы живо интересуемся политическими дѣяніями Данте; но сами по себѣ они не представляли особенной важности, и никто тогда за ними ея и не признавалъ. вмѣстѣ съ побѣдой гвельфовъ надъ гибеллинами въ 1267-мъ году и съ конституціонной реформой 1282-го года управленіе все болѣе и болѣе стало переходить въ руки народа, и знаменитыя *Ordinamenti della giustizia* 1293-го года совершенно устранили дворянство отъ государственныхъ должностей. Позднѣе (1295), конечно, ему были сдѣланы уступки; какъ въ римской республикѣ патриніи могли достигать трибунскаго сана, принимая формальное усыновленіе отъ какого нибудь плебея, такъ во Флоренціи представители аристократіи опять приобрѣтали право участвовать въ управленіи, записавшись въ одинъ изъ цеховъ, причемъ, понятно, весьма часто они совсѣмъ не занимались ни ремесломъ, ни торговлей. Находился-ли въ такомъ положеніи Данте, относительно этого существуютъ разныя воззрѣнія. Раньше никто не сомнѣвался, что его фамилія была дворянская; но Тодескини представилъ противъ этого весьма стараго взгляда нѣкоторыя возраженія; многія изъ нихъ ослабилъ Фенароли; однако еще остаются извѣстныя неясности, оставляющія мѣсто для сомнѣнія. Соотвѣтственно съ однимъ старымъ регистромъ, Данте записался въ цехъ врачей и аптекарей, наиболѣе соотвѣтствовавшій его собственнымъ научнымъ занятіямъ, но въ этомъ еще нѣтъ доказательства его дворянства, ибо онъ долженъ былъ бы вступить въ цехъ и въ качествѣ пополана. 5-го іюня 1296-го года онъ былъ сочленомъ въ Со-

вѣтъ Ста и держалъ передъ собраніемъ рѣчь. 8-го мая 1299-го года онъ занимался въ качествѣ флорентинскаго посланника дѣлами тосканскаго гвельфскаго союза при коммунѣ С. Джеминьяно. Въ 1300-мъ году, отъ 15-го іюня до 15-го августа онъ засѣдалъ въ коллегіи шести пріоровъ. Гвельфская партія во Флоренціи съ нѣкотораго времени раздѣлилась; сперва это былъ раздоръ двухъ знатныхъ фамилій Черки и Донати, какъ раньше нѣчто подобное было началомъ партійнаго раскола гвельфовъ и гибеллиновъ, и какъ тогда эта смута стала расширяться все болѣе и болѣе, притягивая къ себѣ и другія фамиліи; самое избраніе Данте, повидимому, было бурнымъ и сопровождалось протестомъ его противниковъ; на это указываютъ позднѣйшія слова поэта въ письмѣ, которое цитируетъ Леонардо Аретино, именно, что всѣ его несчастія имѣли начало и причину въ собраніи, гдѣ его выбирали въ пріоры. Когда поведение обѣихъ враждебныхъ партій приняло болѣе угрожающій характеръ, синьорія рѣшила, въ обезпеченіе спокойствія, удалить изъ Флоренціи наиболѣе видныхъ членовъ каждой изъ партій (24 іюня 1300). Приверженцы Донати были высланы въ Castel della Pieve, приверженцы Черки, въ томъ числѣ Гвидо Кавальканти, въ Сарцану. Послѣдніе вскорѣ получили позволеніе вернуться, по причинѣ нездороваго воздуха, отличавшаго мѣсто изгнанія, гдѣ Гвидо захворалъ; но Данте тогда уже не исправлялъ должности. Послѣ этого возвратились домой и приверженцы Донати; только Корсо Донати остался въ Римѣ и агитировалъ передъ папой за свою партію, относительно которой онъ старался представить, что только она одна есть истинно-гвельфская партія, а болѣе умѣреннымъ своимъ противникомъ онъ старался придать репутацию гибеллиновъ. Послѣ открытія заговора вожди партіи Донати были снова изгнаны (въ іюнь 1301-го года), и Черки получили во Флоренціи перевѣсъ; послѣ того какъ (въ концѣ мая 1301-го года) въ Пистойѣ они рѣшили борьбу между двумя отпрысками фамиліи Канчеллери, названными Bianchi (Бѣлые) и Neri (Черные), въ пользу Бѣлыхъ, связанныхъ съ ними узами родства, а Черныхъ изгнали, они вмѣстѣ съ своей партіей сами приняли наименованіе Бѣлыхъ гвельфовъ, а сторонники Донати стали называться Черными. Въ это смутное время, когда для города и для Данте готовилось великое бѣдствіе, поэтъ еще многократно исполняетъ общественныя обязанности. 13-го и 14-го апрѣля 1301-го года онъ подавалъ свой голосъ въ совѣтѣ Capitadini (т. е. представители цеховъ) и другихъ Sapientes относительно способа административныхъ выборовъ; 28-го апрѣля 1301-го года по декрету шести флорентинскихъ чиновниковъ, наблюдавшихъ за дорогами, онъ при помощи потарія, Сера Гульельмо делла Пиаджентина, долженъ былъ расширить и реставрировать улицу С. Проколо отъ Борго делла Пиаджентина до рѣчки Аффрико. 19-го іюня 1301-го года въ двухъ засѣда-

ніяхъ Совѣта Ста онъ подавъ отрицательный голосъ, относительно того, чтобы папѣ не давать требуемый имъ вспомогательный отрядъ въ сто человекъ (*quod de servitio faciendo Domino Papae nihil fiat*), вотумъ получившій меньшинство голосовъ и явившійся позднѣе однимъ изъ главныхъ пунктовъ противъ Данте. Еще разъ онъ подавалъ голосъ, въ какомъ смыслѣ—неизвѣстно, 13-го сентября 1301-го года въ собраніи всѣхъ Совѣтовъ, обсуждавшихъ вопросъ о мѣрахъ для сохраненія *Ordinamenti* и статутовъ народа.

Папа Бонифацій VIII, побуждаемый Черными и вполне готовый воспользоваться случаемъ увеличить свою власть во Флоренціи, рѣшилъ послать въ городъ такъ называемаго миротворца (*pacifago*), въ лицѣ Карла Валуа, брата Филиппа Красиваго; ибо, въ то время когда императорскій тронъ былъ не занятъ, папа предъявилъ претензію на верховныя императорскія права, между прочимъ и на право поставлять викарія въ подчиненную Имперіи провинцію Тосканы. Карлъ Валуа прибылъ во Флоренцію 1-го ноября; прежде чѣмъ вступить въ городъ, онъ поклялся уважать его законы, но не сдержалъ своего слова, вскорѣ открыто сталъ на сторону Черныхъ и воспользовался своимъ пребываніемъ главнымъ образомъ для страшныхъ денежныхъ вымогательствъ. Корсо Донати ворвался въ городъ и втеченіи нѣсколькихъ дней со стороны Черныхъ были учиняемы грабежи и поджоги; были также и человѣческія жертвы. Последняя сымборія Бѣлыхъ прежде времени сложила съ себя обязанности, вынуждаемая къ тому силой; на ея мѣсто стала сымборія Черныхъ, и пріобрѣтенная такимъ порядкомъ власть, какъ это было явленіемъ обычнымъ при смутахъ въ итальянскихъ коммунахъ, была употреблена побѣдившей партіей для самаго жестокаго угнетенія противниковъ. Втеченіи 1302-го года до 600 человекъ было присуждено частью къ смерти, частью къ изгнанію; преступленіями, которыя имъ вѣняли въ вину, были обманъ или оскорбленіи начальства, въ большинствѣ случаевъ, понятно, это было только предлогомъ, чтобы отдѣлаться отъ противниковъ, и потому обвиненіе весьма часто опиралось просто на слухи. Вмѣстѣ съ столь многими и Данте постигла такая судьба; 27-го января на него, какъ на одного изъ первыхъ, обрушился декретъ *podestà* Канте де Габриэлли изъ Губбіо, который, *super eo et ex eo quod ad aures nostras et curie nostre notitiam, fama publica referente, pervenit*, обвинялъ его въ обманѣ, вымогательствѣ, подкупности и проискахъ противъ папы, Карла Валуа и мирнаго состоянія города и гвельфской партіи, и осуждалъ его *in contumaciam* къ уплатѣ весьма значительной денежной пени (5000 *florini piccioli*) или, въ случаѣ если уплаты не послѣдуетъ втеченіи трехъ дней, къ потерѣ всего имущества, во всякомъ же случаѣ къ изгнанію изъ Тосканы на два года и къ удаленію отъ всякой должности и сана. 10-го марта, послѣ того какъ онъ не уплатилъ денежный штрафъ

и не явился на судъ, слѣдовательно безмолвно призналъ свою вину, другимъ декретомъ было постановлено, что если онъ когда-либо попадетъ въ руки коммуны, онъ будетъ подвергнутъ смертной казни черезъ сожженіе.

Такимъ образомъ партійная борьба, постоянно снова и снова разрывавшая итальянскія республики, выбросила за предѣлы родины вмѣстѣ съ столькими честными гражданами величайшаго поэта Италии. Въ то время, когда человекъ гораздо тѣснѣе, чѣмъ теперь, былъ связанъ съ мѣстомъ своего рожденія и съ своей родной средой, изгнаніе имѣло совершенно иное значеніе, оно было насильственной утратой всего дорогаго, катастрофой опредѣлявшей все будущее. Изгнанные флорентинскіе Бѣлые соединились съ давно уже изгнанными гибеллинами, по отношенію къ которымъ они и ранѣе стояли не такъ далеко, какъ Черные, и сдѣлали нѣсколько вооруженныхъ попытокъ противъ города. 8-го іюня 1303-го года Черки, Уберти, Убертини, Гвидалотти, Пацци, Риказоли, и другіе собрались на хорахъ церкви Св. Годенцо въ Муджелло, чтобы обезпечить за Убальдини, во время предстоящей борьбы, вознагражденіе за убытки, понесенныя ихъ владѣніями, въ особенности крѣпостью Монтачечинико; Данте былъ среди присутствовавшихъ, его имя фигурируетъ въ дошедшемъ до насъ документѣ среди тѣхъ, кто поручался за согласіе заключеннаго союза. Но въ средѣ этой соединенной партіи Бѣлыхъ и гибеллиновъ вскорѣ разыгрались нечистыя страсти, раздоры, ревность, эгоизмъ, все то, что обыкновенно вызывается изгнаніемъ среди побѣжденныхъ, и, въ силу этого, высокій духъ Данте скоро пресытился такимъ обществомъ; еще болѣе чѣмъ самое несчастіе, его угнетала необходимость нести участь, общую съ людьми низкими и пошлыми. Въ знаменитыхъ стихахъ, гдѣ онъ заставляеть своего предка Каччагвида пророчески предсказать ему свою участь, говорится (Parad. XII, 61 и слѣд.): «И что наибольшей тяжестью ляжетъ на твои плечи, это низкіе и тупые люди, въ сообществѣ съ которыми ты низвергнешься въ эту юдоль; ибо всѣ они, неблагодарные, безумные и нечестивые, обратятся противъ тебя; по немного уйдетъ времени и они, — не ты, — будутъ краснѣть за это. Своей животной низостью ихъ поведеніе докажетъ, что ты хорошо сдѣлалъ, образовавъ для себя партію изъ самого себя».

E quel che più ti graverà le spalle

Sarà la compagnia malvagia e scempia,

Con la qual tu cadrai in questa valle;

Che tutta ingrata, tutta matta ed empia

Si farà contra te: ma poco appresso

Ella, non tu, n'avrà rossa la tempia.

Di sua bestialitate il suo processo

Farà la pruova, sì ch'a te fia bello

Averti fatta parte per te stesso.

Послѣ того какъ Данте увидалъ, что его не понимаютъ ни тѣ, ни другіе, ни гвельфы, ни гибеллины, онъ замкнулся въ самомъ себѣ, образовалъ, какъ говорить его гордая фраза, для себя партію изъ самого себя. Это случилось вѣроятно въ 1303-мъ году, послѣ того какъ весной при крѣпости Пуличчіано изгнанники сложили свое оружіе. Еще въ томъ же году или въ началѣ слѣдующаго онъ отправился въ Верхнюю Италію, гдѣ нашелъ впервые приѣзжца при дворѣ Бартоломмео делла Скалла въ Веронѣ. Когда папа Бонифацій умеръ, его миролюбивый преемникъ Бенедиктъ XI послалъ въ началѣ марта 1304-го года кардинала Никколò да Прато, епископа остійскаго, во Флоренцію, для возстановленія мира; но его усилія остались безуспѣшными. 20-го іюля Бѣлые подъ предводительствомъ Баскіера делла Тоза сдѣлали изъ Ластры вылазку на Флоренцію, проникли въ глубину города, но благодаря излишней поспѣшности проиграли и были отброшены назадъ. Въ 1306-мъ году (10-го апрѣля) пала Пистойя, которую втеченіи почти цѣлаго года мужественно защищаль Толозато дельи Уберти, и вскорѣ послѣ этого флорентинцы захватили Монтачченио, благодаря измѣнѣ Убальдини. Новые переговоры папскаго миротворца кардинала Наполеоне Орсини были опять безплодны, и такимъ образомъ въ 1307-мъ году надежды изгнанной партіи совершенно пали. Данте пришлось вести скитальческій образъ жизни, нерѣдко онъ испытывалъ настоящую нужду, долженъ былъ обращаться къ чужимъ людямъ съ просьбой о содержаніи, такъ какъ его небольшое имущество во Флоренціи было конфисковано. Выражая свое сочувствіе по поводу смерти Алессандро да Ромена въ письмѣ къ его племянникамъ Оберто и Гвидо (около 1304 года), онъ говоритъ, что бѣдность помѣшала ему явиться на похороны. Человѣка съ такой гордой душой должна была особенно тяжело угнетать необходимость жить на счетъ чужой милости, къ которой правители и вельможи того времени весьма часто примѣшивали оскорбленіе: «И ты поймешь, какъ горекъ хлѣбъ чужой, какъ труденъ этотъ путь—взбираться и спускаться по лѣстницамъ чужимъ»

Tu proverai sì come sa di sale

Lo pane altrui e com'è duro calle

Lo scender e il salir per l'altui scale.

Такъ возвѣщаетъ Каччіагвида въ упомянутомъ мѣстѣ Paradiso, и глубоко трогательна жалоба поэта на свое изгнанничество, въ началѣ Convivio (I, 3): «Я блуждалъ почти по всѣмъ мѣстностямъ, гдѣ говорятъ на этомъ языкѣ, скитался, чуть не выпрашивая милостыню, противъ воли показывая раны, нанесенныя мнѣ судьбой... Истинно, я былъ какъ корабль безъ парусовъ и безъ руля»... ¹⁾ Опредѣлить

¹⁾ Что Данте дѣйствительно долженъ былъ выпрашивать милости у знатныхъ, на это указываетъ письмо къ Канъ Гранде, § 32.

всѣ мѣста, гдѣ поочередно былъ Данте, задача теперь совершенно невозможная, и только тамъ и сямъ документы указываютъ пункты этого печальнаго скитальческаго пути. 27-го августа 1307 года онъ находился въ Падуѣ, гдѣ былъ свидѣтелемъ при заключеніи одного нотаріальнаго акта. 6-го октября того же года въ Сарцапѣ, въ Луниджіанѣ, онъ подписалъ, въ качествѣ прокуратора маркиза Франческано Маласпина, мирный договоръ между его фамиліей и епископомъ Антоніо изъ Луни. Къ этому времени также нужно отнести болѣе или менѣе продолжительное пребываніе Данте при дворѣ представителей фамиліи Маласпина, которыхъ онъ съ благодарностью прославляетъ въ 8-й пѣснѣ *Purgatorio*. Послѣ этого онъ отправился въ Казентино, — какъ было предположено, безъ положительныхъ однако основаній, къ Гвидо Сальватико, который принадлежалъ къ линіи графовъ Гвиди изъ Довадолы. Отсюда онъ писалъ къ Морозелло Маласпина изъ Виллафранки, у котораго нашелъ послѣднее свое мѣстопробываніе передъ отъѣздомъ; въ этомъ письмѣ Данте рассказываетъ, какъ онъ, достигнувъ источниковъ Арно, внезапно былъ охваченъ страстной любовью, и какъ онъ долженъ былъ поэтому отказаться отъ своего рѣшенія никогда болѣе не воспѣвать женщинъ и отдался всецѣло серьезнымъ научнымъ занятіямъ; при этомъ онъ посылалъ канцону, гдѣ изображалась его новая страсть.

Это чувство, овладѣвшее человѣкомъ за сорокъ лѣтъ, обремененнымъ заботами и исполненнымъ самыхъ высокихъ мыслей, было, очевидно, такой чистой платонической любовью, которая по преимуществу побуждала къ поэтическому творчеству. Способъ изложенія въ письмѣ съ его сильными образами не можетъ говорить противъ; возлюбленная есть видѣніе, нисходящее какъ молнія; какъ громовый ударъ, поражаетъ поэта пламя ея красоты. Канцона, частью содержащая тѣ же выраженія, что и письмо, носитъ рѣшительный характеръ философской флорентинской школы; душа рисуетъ себѣ образъ Мадонны и созерцаетъ его, и гнѣвается потомъ на себя, потому что зажигаетъ огонь, который сжигаетъ ее; жизнь убѣгаетъ, какъ только сердца касается *Amore*; послѣ этого душа возвращается въ сердце, и любящей, созерцающей рану, которая его уничтожила, трепещетъ отъ страха. Только такому духовному чувству, какъ источнику поэзіи, Данте могъ приписывать настолько важное значеніе, чтобы писать о немъ государю. Новая любовь, правда, представлялась противорѣчіемъ съ тогдашнимъ положеніемъ и образомъ мыслей Данте; но кто въ силу этого отвергнетъ все это соотношеніе, и признаетъ письмо подложнымъ, а канцону аллегорической, тотъ не знаетъ противорѣчивости человѣческаго сердца. Относительно другого скоропреходящаго увлеченія, относящагося къ времени изгнанія, есть указаніе въ одномъ мѣстѣ *Purgatorio*. Оно очень неясно и потому дало поводъ къ самымъ разнороднымъ догадкамъ. Когда Данте прибли-

жается къ душѣ поэта Буонаджіунта изъ Лукки, онъ слышитъ, что тотъ что-то неясно сказалъ, и разбираетъ имя Джентукки; далѣе тотъ говоритъ къ нему (Purg. XXIV, 43 и слѣд.); «Родилась женщина, и она еще не носитъ головной повязки (она еще не замужемъ); та женщина сдѣлаетъ тебѣ дорогимъ мой городъ, хотя бы его много порицали. Ты уйдешь съ этимъ предвидѣніемъ; если ты увидишь какую-нибудь ошибку въ моей неясной рѣчи, событія разъяснятъ тебѣ ее»

Femmina è nata e non porta ancor benda,
Cominciò ei, che ti fara piacere
La mia città, come ch'uom la riprenda.
Tu te n'andrai con questo antivedere:
Se nel mio mormorar prendesti errore
Dichiareranti ancor le cose vere.

Итакъ Данте любилъ въ Луккѣ женщину, которая называлась Джентуккой и въ 1300-мъ году была еще не замужемъ. Это все, что мы знаемъ, и всѣ догадки, дѣлавшіяся относительно самой личности Джентукки, лишены всякаго основанія. Только одно кажется мнѣ несомнѣннымъ, что и эта любовь была чистой духовной связью; иначе Данте не увѣковѣчилъ бы ее въ этомъ мѣстѣ своего мистическаго странствованія. Спрашивается, къ какому времени нужно отнести пребываніе Данте въ Луккѣ? Вообще принято думать, что это было между 1314-мъ и 1316-мъ, когда городомъ овладѣлъ Угучіоне делла Фаджіуола; ибо раньше Лукка принадлежала къ гвельфской партіи и была въ союзѣ съ Флоренціей. Но Витте справедливо нашель эту дату невѣрной; съ тѣхъ поръ Данте образовалъ партію для самого себя, у него уже не было причины избѣгать пребыванія у гвельфовъ, и именно изъ числа гвельфовъ были нѣкоторые изъ его самыхъ благородныхъ покровителей, Маласпина и позднѣе Гвидо изъ Поленты, у котораго онъ умеръ. Слѣдовательно, въ ту эпоху, когда смуты замолбли, т. е. между 1307-мъ годомъ и 1310-мъ, онъ вполне могъ избрать своимъ мѣстопробываніемъ Лукку. Самъ онъ тогда былъ въ примирительномъ настроеніи; это видно изъ *Convivio*, гдѣ нѣтъ ни одного слову по отношенію къ родному городу, напротивъ высказывается желаніе получить отъ своихъ согражданъ позволеніе успокоить тамъ свою усталую душу и провести остатокъ своей жизни во Флоренціи (I, 3); по словамъ Леонардо Аретино, онъ обратился съ письмомъ къ флорентинскому населенію, указывая на свою невиновность и начиная словами пророка Михея (VI, 3): *Popule mee, quid feci tibi?*

О скитаніяхъ поэта и состояніи его духа въ это время интереснѣйшія данныя заключались бы въ письмѣ Фрате Иларіо, если бы истинность его не подлежала сильному сомнѣнію. Авторъ, монахъ монастыря *Santa Croce del Corvo* въ Луниджанѣ, посылаетъ Угучіоне делла

Фаджіуола первую часть «Божественной комедіи», и пишетъ ему, что тотъ, чье произведеніе теперь ему посылается, пришелъ къ монастырю и на вопросъ, чего онъ ищетъ, не сказалъ ни слова и сталъ смотрѣть на зданіе, и наконецъ, при возобновленіи вопроса, онъ, еще разъ взглянувъ на монастырь, сказалъ: «Мира». Познакомившись ближе съ Фрате Иларіо онъ вынулъ книжку, лежавшую у него на груди, и далъ ее монаху, и, когда тотъ высказалъ удивленіе, что она написана по-итальянски, онъ сказалъ, что сперва онъ началъ ее писать по-латински, но потомъ выбралъ другой языкъ потому, что знаніе латинскаго языка все болѣе и болѣе исчезаетъ. Иларіо долженъ былъ снабдить ее комментаріями и отослать къ Угучіоне; двѣ другія части должны были быть посвящены Морозелло Маласпина и Фридриху Сицилійскому. По словамъ монаха, Данте, когда онъ завернулъ въ монастырь Santa Croce del Corvo, были на дорогѣ *ad partes ultromantanas*, т. е., какъ безъ сомнѣнія подразумѣвалось, во Францію.

Въ этомъ документѣ есть двѣ въ высшей степени неправдоподобныя вещи; какъ можно повѣрить, что Данте отдалъ незнакому монаху свою книгу, для передачи и для комментирования, и что этотъ послѣдній, не имѣвшій даже представленія о самомъ существованіи книги, послѣ нѣсколькихъ часовъ разговора съ поэтомъ, сдѣлался уже способенъ для такой работы? Въ силу двухъ этихъ обстоятельствъ данное письмо уже давно было признано апокриомъ. Шефферъ-Бойхорстъ старался спасти его; но самое большее, что онъ могъ доказать, это тотъ фактъ, что подѣлка—весьма древняя и что Боккаччо считалъ ее истинной. Шефферъ-Бойхорстъ относитъ ее къ 1306-му году; тогда Данте дѣйствительно долженъ былъ бы находиться въ Луниджіанѣ и, какъ можно было бы думать, на дорогѣ въ Парижъ. Но онъ забываетъ, что Данте въ 1306-мъ или въ 1307-мъ году отправился изъ Луниджіаны къ источникамъ Арно, которые не лежатъ на дорогѣ отъ Сарцаны въ Парижъ. Впрочемъ о путешествіи Данте въ Парижъ рассказываютъ также Виллани и Боккаччо; если оно дѣйствительно когда-нибудь было предпринято, оно имѣло мѣсто по всей вѣроятности между 1307-мъ годомъ и 1310-мъ; но быть можетъ оба древніе біографа опирались только на невѣрное преданіе, основанное вѣроятно на теологическихъ познаніяхъ Данте, когда они сообщали это свѣдѣніе о его, имѣвшемъ научныя цѣли, пребываніи въ знаменитѣйшемъ теологическомъ университетѣ; то знаніе французскихъ дѣлъ, которое поэтъ выказываетъ въ своихъ произведеніяхъ, онъ могъ имѣть и никогда не видавши Франціи.

Въ то время когда Данте еще питалъ надежды на мирное возвращеніе во Флоренцію, для его желаній неожиданно открылась благоприятная перспектива съ другой стороны, совершенно особеннымъ образомъ гармонировавшая съ его политическими убѣжденіями. Новый

нѣмецкій императоръ Генрихъ VII вступилъ съ войскомъ въ Италию, чтобы гарантировать столь долго пренебрегавшіяся императорскія права и возстановить порядокъ въ странѣ. Въ Convivio, гдѣ Данте училъ философскимъ истинамъ, онъ популярно изложилъ и политическій символъ вѣры (IV, 4 и слѣд.); ибо философія и политика были для него неразрывны, и послѣдняя являлась необходимой составной частью морали. Чтобы человѣчество достигло здѣсь на землѣ своей цѣли, т. е. блаженства посредствомъ упражненія въ добродѣтели, оно нуждалось въ мирѣ; но на землѣ вѣчно царить раздоръ, если нѣтъ властителя, который ничего не желаетъ для самого себя, имѣя все въ своемъ подчиненіи, который поэтому править справедливо и держитъ во взаимномъ согласіи и государей и города. Такой всемірной монархіей, единственнымъ источникомъ всякой земной власти, которая необходима для счастья человѣчества, была по мнѣнію Данте Римская Имперія, и онъ показываетъ, какъ римскій народъ, «священный народъ, въ жилахъ котораго примѣшалась благородная троянская кровь», достигъ власти надъ міромъ не посредствомъ простой силы, но былъ отмѣченъ божескимъ предопредѣленіемъ, какъ носитель этой власти. Такимъ образомъ римскій императоръ воплощалъ въ себѣ законную власть, которой надлежало вмѣшиваться всюду, гдѣ царили смуты и несправедливости; эта политическая теорія Данте, бывшая со смерти Фридриха II только желаемымъ идеаломъ, реализировалась, когда въ октябрѣ 1310-го года Генрихъ VII перешелъ Альпы. И онъ дѣйствительно явился съ самымъ чистыми благородными намѣреніями, исполненный самымъ благороднымъ представленіемъ о своихъ обязанностяхъ властителя, не какъ защитника одной изъ партій, а какъ истиннаго миротворца, не противъ церкви, но въ согласіи съ ней и съ цѣлью укрѣпить ея авторитетъ. Данте увидѣлъ въ немъ какъ бы ниспосланнаго самимъ Богомъ политическагоизбавителя, который излѣчить всѣ раны его несчастной родины, который ему самому, справедливому, безвинно гонимому, откроетъ двери родного города. Онъ спѣшитъ увидѣть собственными глазами избранника Божія; онъ не сомнѣвается въ успѣхѣ; ибо подъ первымъ впечатлѣніемъ радости онъ не можетъ подумать, чтобы кто-либо захотѣлъ противиться Божественному Промыслу, проявившемуся здѣсь такъ открыто. Чтобы оказать посильную помощь святому дѣлу, онъ пишетъ латинское письмо къ государямъ и народамъ Италиі съ надписью: «Всѣхъ вмѣстѣ и каждаго въ отдѣльности, королей Италиі и сенаторовъ вѣчнаго города, равно какъ герцоговъ, маркизовъ и графовъ, и всѣ народы, просить о мирѣ смиренный итальянецъ (*humilis Italus*) Данте Аллагіери изъ Флоренціи, изгнанный безвинно». Какъ онъ говоритъ, показалось солнцу мира и справедливости. Италія, возбуждающая теперь состраданіе даже въ сарацинахъ, должна радоваться; потому что скоро ей будетъ завидовать вся земля, ибо супругъ приближается,

утѣха міра. Всѣ должны смиренно подчиняться императору, которому все принадлежит, который приходитъ, чтобы безъ помѣхи царствовало право и еще болѣе—кротость. Пусть угнетенные исполнятся довѣрія и надежды. И онъ напоминаетъ о божественномъ происхожденіи римскаго государства и императорской власти, о чемъ онъ говорилъ въ Convivio. Духовная и свѣтская власть со времени Иннокентія III, и быть можетъ еще раньше, часто представлялись въ образѣ большаго и меньшаго свѣта, солнца и луны, которые Богъ создалъ въ началѣ. Данте также воспользовался здѣсь этимъ образомъ. Папа и императоръ дѣйствуютъ вмѣстѣ; папа Климентъ озаряетъ властителя свѣтомъ апостольскаго благословенія, чтобы тамъ, гдѣ духовнаго луча недостаточно, блескъ меньшаго свѣта распространялъ сіяніе». Языкъ этого письма, какъ и языкъ другихъ писаній Данте объ общественныхъ дѣлахъ, отличается торжественностью, исполненъ библейскихъ словъ, исполненъ выражений и образовъ изысканныхъ, значительныхъ и возвышенныхъ; это тотъ самый приподнятый стиль, который былъ введенъ въ политическіе акты при дворѣ Фридриха II Петромъ Винеискимъ и его друзьями.

Но непримиримыя партіи итальянскихъ городовъ не могли довольствоваться одинаковой для всѣхъ справедливостью и кротостью императора; на глазахъ у него они продолжали свои старые споры; гвельфскія коммуны выказали сеоя враждебными и этимъ побудили его самого къ строгости и жестокости. Флоренція сдѣлалась центральнымъ пунктомъ итальянской оппозиціи противъ императора; началась самая ревностная агитація противъ него, всюду создавая ему враговъ и препятствія. Поэтъ, видя это, разочарованный и ожесточенный, направляетъ по адресу своего роднаго города посланіе: «Данте Алагіери, флорентинецъ, изгнанный безвинно, къ находящимся тамъ преступнѣйшимъ флорентинцамъ (*sceleratissimis Florentinis intrinsecis*)», гдѣ онъ предсказываетъ имъ страшное наказаніе за ихъ ожесточенное упорство; слишкомъ поздно будетъ тогда раскаяваться, зубцы и стѣны ихъ не оградятъ, когда прилетитъ царственный орелъ, принося съ собою погибель. Онъ взываетъ къ нимъ: «О, тщеславнѣйшіе изъ тосканцевъ, безумные отъ природы, обезумѣвшіе отъ пороковъ!» «О, жалчайшее отродье фізоланцевъ!» «О, новые пуническіе варвары!» Въ своемъ мечтательномъ преклоненіи передъ императорскимъ величіемъ, онъ рѣшается, какъ дѣлалъ это Фридрихъ II, приравнивать ее къ Христу; божественный триумфаторъ, Гейнрихъ, также добровольно принимаетъ на себя наши грѣхи, такъ что и къ нему подходитъ пророчество Исаяи 1). Это письмо помѣчено 13-мъ мартомъ 1311 го года, съ источниковъ Арно; была сдѣлана догадка, что онъ

1) Въ письмѣ къ императору онъ примѣняетъ къ нему слова: *Ecce Agnus Dei, ecce qui tollit peccata mundi.*

находился у графа Гвидоновелло изъ Баттифолле въ Поппи, и именно потому, что относительно трехъ писемъ, адресованныхъ тогда императрицѣ Маргаритѣ супругой графа, было предположено, что ихъ сочишилъ Данте отъ имени этой послѣдней; однако это остается невыясненнымъ. Когда Данте увидалъ, что Гейнрихъ теряетъ свое время на Сѣверѣ въ укрощеніи мятежниковъ, онъ написалъ 18-го апрѣля, опять съ источниковъ Арно, письмо къ нему самому, отъ имени благомыслящихъ тосканцевъ, увѣщая его не тратить времени на предпріятія противъ ломбардскихъ городовъ; потому что бесполезно было бы отрубать головы угидры; напротивъ, нужно напасть на строптивыхъ въ самомъ ихъ центрѣ. «Быть можетъ, ты не знаешь», пишетъ онъ, «гдѣ избрала свое логовище вонючая лисица, находящаяся въ безопасности отъ охотниковъ? Достоверно, что она пьетъ не изъ быстрого По, и не изъ твоего Тибра, но оскверняетъ своей пастью воды рѣки Арно, и (быть можетъ ты этого не знаешь?) Флоренціей называется эта лютая чума. Это — ехидна, обращающаяся противъ внутреннихъ своей матери; это шелудивая овца, оскверняющая своей заразой стада Господни; это безславная Мирра, которая вождельветъ къ объятіямъ своего родного отца». Онъ цитируетъ затѣмъ стихи Лукана, въ которыхъ Куріонъ убѣждаетъ Цезаря перейти Рубиконъ, пока враги еще плохо вооружены, это тотъ самый совѣтъ, за который онъ посадилъ Куріона въ адъ среди зачинщиковъ гражданской войны. Гейнрихъ наконецъ дѣйствительно пришелъ въ Среднюю Италію, принявъ въ Римѣ императорскую корону изъ рукъ папскихъ легатовъ, затѣмъ осадилъ Флоренцію, которую онъ объявилъ въ опалѣ, но долженъ былъ отступить, ничего не сдѣлавъ и внезапно умеръ 24-го августа 1313-го года въ Буонконvento, на югѣ отъ Сіэны, когда намѣревался напасть на короля неаполитанскаго Роберта. Флорентинцы же между тѣмъ отвѣтили на агитацію своихъ изгнанниковъ такъ-называемой *Riforma* Бальдо д'Агульоне, декретомъ Синьоріи отъ 2-го сентября 1311-го года, которымъ многіе были освобождены отъ изгнанія, какъ добрые гвельфы, для другихъ, числомъ болѣе чѣмъ тысяча, прежнее осужденіе было оставлено въ полной силѣ; среди послѣднихъ находился и Данте.

Участіе Данте въ этихъ политическихъ событіяхъ обнаруживаетъ передъ нами его бурную натуру. Идеи вспыхиваютъ въ немъ и охватываютъ его душу цѣликомъ; для него не существуетъ ни сомнѣній, ни колебаній; за свои политическіе принципы онъ ратуетъ съ такимъ же энтузіазмомъ, какъ за свои философскія и теологическія доктрины. Онъ не думаетъ о личныхъ интересахъ; онъ твердо убѣжденъ, что все, чего онъ хочетъ, есть дѣйствительное благо для всѣхъ, единственное благо, что это есть истина и справедливость, что онъ борется за истину и справедливость противъ преступниковъ, которые хотятъ ихъ омрачить и уничтожить, противъ отвратительныхъ вра-

говъ Господа и его избранниковъ. Что же удивительнаго, если онъ желаетъ ихъ уничтоженія, хотя бы то были его собственные сограждане!

По понятіямъ среднихъ вѣковъ Римская Имперія въ правовомъ смыслѣ не переставала существовать; она возобновилась въ лицѣ Карла Великаго, затѣмъ, будучи перенесена на нѣмецкихъ королей, она, какъ думали, оставалась все тѣмъ же древнимъ учрежденіемъ, все еще продолжала обозначать владычество римскаго народа надъ землей. Съ этой идеей такимъ образомъ соединялся патріотическій энтузіазмъ; Данте, гордившійся тѣмъ, что въ его собственныхъ жилахъ текла римская кровь, видѣлъ здѣсь славное первенство своей націи, которая поставлена Богомъ правительницей надъ народами. Не Германия, а Римъ, Италия, вотъ средоточіе, «садъ» государства, какъ говорится въ «Божественной Комедіи»; самъ императоръ терялъ свой національный характеръ, разъ достоинство римскаго народа было перенесено на него, или скорѣе получало въ немъ свое выраженіе. Но этотъ политическій идеаль Данте принадлежалъ прошлому; въ стремленіяхъ высокочтимаго имъ императора Фридриха II онъ видѣлъ послѣднюю значительную попытку его реализованія, онъ видѣлъ въ немъ послѣдняго мощнаго императора, и ждалъ возвращенія политическаго Мессіи. Онъ до конца оставался вѣренъ этой патріотической мечтѣ, даже и послѣ того какъ римскій походъ Генриха VII кончился неудачей. Въ своемъ латинскомъ сочиненіи *De Monarchia*, которое, какъ недавно было доказано, является произведеніе его послѣднихъ лѣтъ, онъ еще разъ изложилъ свои теоріи, расширилъ и усовершенствовалъ то, что было выражено въ *Convivio* и въ письмахъ.

Это сочиненіе стремится къ строгой научности; политическія бури минули, и авторъ хочетъ достигъ наибольшей убѣдительности объективностью изложенія. Поэтому здѣсь въ большей мѣрѣ, чѣмъ гдѣ-либо въ другихъ произведеніяхъ Данте, мы видимъ школьный методъ, авторъ начинаетъ *ab ovo*, съ принциповъ, которые вполнѣ несомнѣнны, и развитіе изысканія происходитъ по схемѣ правильныхъ силлогизмовъ, съ ихъ первыми посылками, вторыми посылками и заключеніями. Но опредѣленность и послѣдовательность доктрины, вложенный въ нее высокій смыслъ, и непоколебимая твердость убѣжденія, проникающая изложеніе, не могутъ не приковывать нашего вниманія. Въ первой книгѣ опять доказывается необходимость всемірной монархіи; только она одна можетъ дать людямъ миръ — необходимое условіе для достиженія ихъ цѣли; монархъ совершеннѣе, чѣмъ кто-либо, наблюдаетъ правосудіе; ибо ему нечего желать для самаго себя, онъ все уже имѣетъ, и его исполнительная власть безгранична. Подъ его управленіемъ человѣчество наслаждается истинной свободой, въ то время какъ страсти управляются разумомъ. Но монархъ долженъ быть понимаемъ какъ верховный глава; онъ не приводитъ самъ въ исполненіе каждый государственный актъ; различные народы должны

управляться различно; подъ эгидой всеобщаго властителя находятся отдѣльные государи, получающіе отъ него свою власть. Поэтому Данте, при національномъ патріотизмѣ, при всей горячей любви къ Итали и при желаніи видѣть въ ней спокойствіе и согласіе, думаетъ объ истинномъ политическомъ единствѣ своей родины лишь постольку, поскольку это касается единства человѣчества. Божественное предназначеніе, сдѣлавшее римскій народъ носителемъ этой монархіи, выводится потомъ во 2-й книгѣ изъ хода исторіи, въ которой видѣли перстъ Божій, и изъ словъ и дѣяній Христа. Третья книга является важнѣйшей, ибо въ ней обсуждается взаимное отношеніе духовной и свѣтской власти, тотъ самый пунктъ, котораго до сихъ поръ Данте еще не касался. Здѣсь онъ защищаетъ гибеллинскую идею независимости императорской власти отъ папской и пользуется той достопамятной формулировкой, которую данная мысль получила у великихъ гибеллиновъ прошлаго, Фридриха II и Петра Винеискаго, въ ихъ полемикѣ съ римской куріей. Сообразно съ обычаями времени въ этомъ спорѣ, вмѣсто примѣровъ, охотно приводили цитаты изъ Библии, которыми давали мистическое толкованіе; ихъ примѣняли въ качествѣ оружія, съ обѣихъ сторонъ, объясняя ихъ различнымъ образомъ. У Фридриха II является образъ двухъ источниковъ свѣта, которые созданы Богомъ при началѣ мірозданія и свѣтять—каждый въ своей области, не мѣшая другъ другу. Данте также безъ колебаній воспользовался этимъ образомъ въ своемъ письмѣ къ государямъ и народамъ Итали и въ письмѣ къ флорентинцамъ, въ то время, когда папа Климентъ и императоръ Гейнрихъ были въ согласіи между собой. Но папская партія выводила отсюда первенство духовной власти, отъ которой исходитъ власть мірская, какъ свѣтъ луны исходитъ отъ солнца. Поэтому въ Monarchia авторъ отрицаетъ допустимость мистическаго отношенія даннаго мѣста Библии къ папѣ и императору и говоритъ, что если даже принимать его, нужно ему давать другое толкованіе; ибо луна получаетъ отъ солнца свѣтъ и силу, но не бытіе; такъ точно папская власть озаряетъ императорскую свѣтомъ милости, дабы въ дѣйствіи своемъ она была болѣе добродѣтельной, но не опредѣляетъ ея состава. Такимъ же образомъ Данте опровергаетъ и остальные аргументы противниковъ, аргументъ двухъ мечей, даръ Константина, возвышеніе Карла Великаго черезъ Адріана и т.д. Церковь не можетъ ссужать власть, которой она сама не имѣетъ въ своемъ существѣ, ея царство не отъ міра сего, ея земныя владѣнія—злоупотребленіе, если только они не являются сбереженіемъ для раздачи бѣднымъ. Наоборотъ, авторитетъ императора истекаетъ отъ Бога такъ же непосредственно, какъ и авторитетъ папы, и оба эти учрежденія, независимыя другъ отъ друга, предназначены служить для взаимной поддержки и дополненія. Человѣкъ, являясь сочетаніемъ двухъ частей—тлѣнной и нетлѣнной, имѣетъ и двойную

цѣль бытія,—во первыхъ, блаженство на землѣ, посредствомъ упражненія интеллектואльныхъ и моральныхъ добродѣтелей сообразно съ ученіями философовъ, во вторыхъ, блаженство вѣчной жизни, къ которому его ведетъ откровеніе посредствомъ упражненія теологическихъ добродѣтелей. Но какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ отношеніи, человѣкъ, ослѣпленный страстями, сбился бы съ надлежащаго пути, если бы Провидѣніе не положило на него двоякаго обузданія, въ формѣ свѣтской и духовной власти¹⁾. Папа ведетъ человѣческій родъ—соотвѣтственно съ откровеніемъ—къ вѣчному спасенію, императоръ направляетъ его—сообразно съ философскими доктринами—къ земному счастью. Онъ доставляетъ миръ; онъ блюститель Божій, исполнитель воли Его и потому поставленъ Имъ непосредственно; правители, его избирающіе, также являются орудіями Божественной Руки, провозвѣстниками Его предвидѣнія. Такимъ образомъ это тотъ же самый принципъ, который въ 1338 году былъ торжественно высказанъ въ избирательномъ собраніи въ Рензе и санкціонированъ Карломъ IV (1356) въ Золотой Буллѣ. Однако то обстоятельство, что императорская власть истекаетъ непосредственно отъ Бога, не исключаетъ по мнѣнію Данте извѣстной подчиненности «римскаго государя» «римскому священнику», сообразно съ тѣмъ какъ временное счастье образуетъ въ нѣкоторомъ родѣ низшую ступень для вѣчнаго. Поэтому Кесарь долженъ выказывать по отношенію къ намѣстнику Св. Петра такое же почтеніе, съ какимъ первородный сынъ долженъ относиться къ своему отцу, дабы, озаренный свѣтомъ отеческой мудрости, онъ съ большимъ совершенствомъ свѣтилъ въ предѣлахъ земного бытія. Мы видимъ, какъ Данте соприкасается здѣсь съ мыслями Даміани и какъ, не смотря на свой гибеллизмъ, онъ не перестаетъ быть строго-правовѣрнымъ католикомъ. Таковымъ онъ выказываетъ себя во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ, даже и тогда, когда въ «Божественной Комедіи» онъ устремляетъ свою страстную сатиру противъ Бонифація и Климента, противъ куріи и духовенства. Онъ былъ жесточайшимъ врагомъ извѣстныхъ папъ и порочнаго духовенства, но никогда врагомъ папства и учрежденій церкви. Однако требуемое имъ равновѣсіе духовной и свѣтской власти, раздѣленіе двухъ мечей, которые въ дружескомъ союзѣ должны взаимно поддерживать другъ друга для блага человечества здѣсь на землѣ и въ вѣчности, это было, какъ и во времена Даміани, недостижимымъ идеаломъ, постоянно представлявшимся умственнымъ взорамъ среднихъ вѣковъ, въ то время какъ въ дѣйствительности одна изъ двухъ властей попеременно стремилась подавить и подчинить себѣ другую.

1) Petrus de Vineia, Epist. I, 31: ut homo qui erat in duobus componentibus diutius dissolutus, duobus retinaculis frenaretur, et sic fieret pax orbi terrarum omnibus excessibus limitatis.

Вслѣдъ за Riforma Бальдо d'Агульоне 1311-го года флорентинцы, послѣ пораженія при Монтекатини, понесеннаго ими благодаря Угуччоне делла Фаджіуола, издали въ 1315-мъ году (6 ноября) противъ изгнанныхъ повторительный декретъ, который распространялся и на сыновей Данте, присуждая ихъ къ смерти и каждому давая право налагать руку, на ихъ жизнь и на ихъ собственность. Когда въ слѣдующемъ году графъ Гвидо изъ Баттифолле сдѣлался флорентинскимъ подеста, была обнародована всеобщая амнистія, но съ унижительнымъ условіемъ, требовавшимъ, чтобы возвращающіеся домой уплатили извѣстный денежный штрафъ и были предъявлены святому охранителю города въ церкви Св. Іоанна, церемонія, бывшая обычной для помилованныхъ преступниковъ. Многіе тѣмъ не менѣ согласились подчиниться данному порядку; не такъ отнесся къ этому Данте: «Такъ вотъ», писалъ онъ одному другу, который хотѣлъ уговорить его, «тотъ славный способъ, какимъ Данте Аллагіери приглашается назадъ въ свой родной городъ, послѣ того какъ онъ почти пятнадцать лѣтъ пробылъ въ изгнаніи? Это награда за его всѣмъ извѣстную невинность? За его постоянные труды и усилія въ области научныхъ изысканій? Да будетъ далека отъ человѣка, сроднивагося съ философіей, легкомысленная низость земного сердца, пусть не потерпитъ онъ быть предъявленнымъ, какъ плѣнникъ, на манеръ какого-нибудь Чіоло и другихъ безславныхъ! Да будетъ далеко отъ него, возвѣщающаго правосудіе, чтобъ онъ, послѣ того какъ ему причинили несправедливость, отдавалъ свои деньги, какъ благодѣтелямъ, тѣмъ, кто оказалъ эту несправедливость! Не таковъ путь, которымъ должно возвращаться на родину, отецъ мой! Но если вами или другими будетъ найдена иная дорога, которая не причинитъ никакого ущерба славы и чести Данте, я пойду по ней поспѣшными стопами. Если же такихъ путей нѣтъ во Флоренцію, я не буду во Флоренціи никогда. Какъ? Развѣ я не буду вездѣ созерцать блескъ солнца и звѣздъ? Развѣ я не буду въ состояніи вездѣ размышлять о сладкихъ истинахъ, если я предварительно не сдѣлаю себя безславнымъ, больше того, опозореннымъ передъ народомъ флорентинскимъ и передъ городомъ Флоренціей? И въ хлѣбъ у меня не будетъ недостатка». — Эти слова самымъ живымъ образомъ рисуютъ передъ нами то высокое нравственное сознание, ту гордую душу, которая и въ безднѣ страданій не утратила своего величія, которая лучше отречется отъ самыхъ дорогихъ надеждъ, нежели совершить низость. До времени состарѣвшись въ несчастіи, усталый, жаждущій покоя, онъ однако же предпочитаетъ свое достоинство тому, чего такъ жаждалъ, возврату въ «сладостное гнѣздо», и остается въ изгнаніи.

Конечъ своей жизни Данте провелъ въ Равеннѣ у своего благороднаго друга и покровителя Гвидо Новелло изъ Поленты, правите-

ля города и племянника воспѣтой въ «Божественной Комедіи» Франчески да Римини. Если подлинно имѣющееся лишь въ итальянскомъ переводѣ письмо поэта къ Гвидо изъ Венеціи отъ 13-го марта 1314 го года, гдѣ онъ рассказываетъ государю о дурномъ исходѣ посланничества къ венеціанскому совѣту, тогда выходитъ, что Данте, какъ впрочемъ рассказываетъ и Боккаччіо, отправился въ Равенну вскорѣ послѣ смерти Гейнриха VII. Во всякомъ случаѣ нужно думать, что онъ прожилъ здѣсь цѣлый рядъ лѣтъ, и что его личныя отношенія съ Канъ Гранде дела Скала, властителемъ Вероны, ограничились нѣсколькими краткими посѣщеніями. Канъ Гранде былъ самымъ выдающимся гибеллинскимъ владыкой Италіи, величайшей надеждой партіи; Гейнрихъ VII сдѣлалъ его государственнымъ викаріемъ въ Веронѣ, и позднѣе въ 1318-мъ году (18-го декабря) онъ былъ избранъ въ Сончино вождемъ ломбардскаго гибеллинскаго союза. Данте также возлагалъ на него большія ожиданія, какъ показываютъ таинственныя пророческія слова Каччагвида въ 17-й пѣснѣ Paradiso. Онъ посвятилъ ему третью часть «Божественной Комедіи» въ письмѣ, которое написано не позднѣе 1318-го года, потому что онъ еще не даетъ Канъ Гранде титула, полученнаго имъ въ Сончино. Тогда Данте уже зналъ его лично. Въ началѣ 1320 го года онъ опять былъ въ Веронѣ; онъ публично обсуждалъ здѣсь 20-го января въ часовнѣ Св. Елены физическую проблему, относительно которой были уже раньше диспуты въ Мантуѣ безъ опредѣленныхъ результатовъ, именно вопросъ, поднимается ли гдѣ нибудь вода выше, чѣмъ неомываемая земная плоскость. Его страстная жажда истины не давала ему покоя, прежде чѣмъ онъ не достигалъ какого-нибудь окончательнаго рѣшенія. Онъ разрѣшилъ вопросъ въ отрицательномъ смыслѣ и доказывалъ свое воззрѣніе съ обычной схоластической обстоятельностью, нашелъ также основаніе того, что одна часть земли (элементъ болѣе тяжелый), противъ общаго закона природы, поднимается надъ водой, именно, подъ вліяніемъ неподвижныхъ звѣздъ. Это изысканіе онъ потомъ записалъ, чтобы его результаты не были фальсифицированы.

Тихій чарующій городъ, богатый художественными памятниками первой христіанской эпохи, Равенна освящена также и воспоминаніями о Данте, которому она дала послѣднее пристанище. Здѣсь онъ работалъ надъ довершеніемъ своего великаго произведенія. Его слава начала распространяться; на него уже начали смотрѣть съ почтеніемъ и удивленіемъ, хотя немногіе вполне понимали его величіе. Грамматикъ Джіовани дель Вирджиліо, имѣвшій въ Болоньѣ общественную школу, обратился къ Данте (самое раннее въ 1318-мъ году, сообразно съ историческими фактами, о которыхъ онъ говоритъ) съ латинскимъ стихотвореніемъ, гдѣ онъ упрекаетъ его за то, что онъ пишетъ на низкомъ и всѣми презираемомъ народномъ язы-

къ, и такимъ образомъ мечеть бисеръ передъ свиньями, и гдѣ онъ предлагаетъ ему обработать въ латинскихъ стихахъ нѣкоторыя великія историческія событія того времени. Онъ, говоритъ Джіованни дель Вирджиліо, охотно будетъ его герольдомъ, когда Данте получитъ лавровый вѣнокъ. Данте отвѣтилъ латинской пасторалью, которая, будучи исполнена благородныхъ мыслей, гордаго сознанія великаго художника, съ тонкой ироніей отклоняетъ дерзкую назойливость и высоко стоитъ надъ всѣмъ, что потомъ было написано въ этомъ родѣ въ Италіи; пасторальная форма является здѣсь отнюдь не праздною игрою, а дѣйствительнымъ орудіемъ искусства, гдѣ открытая рѣчь была бы рѣзкой и оскорбительной. Джіованни равнымъ образомъ послалъ Данте стихотвореніе въ формѣ эклоги, приглашая его въ Болонью, на что опять послѣдовалъ отказъ въ эклогѣ. Въ первомъ отвѣтѣ грамматигу Данте высказалъ надежду, что современемъ онъ получитъ вѣнокъ на берегу Арно, когда онъ опубликуетъ *Paradiso*, и совершенно также онъ писалъ въ «Божественной Комедіи» (*Parad. XXV, 1* и слѣд.): «Если нѣкогда случится, что священная поэма, которую отмѣтили своей рукой и небо и земля, — такъ что она сдѣлала меня исхудалымъ вотъ ужъ нѣсколько лѣтъ, — восторжествуетъ надъ жестокостью, держащей меня вдали отъ прекрасной овчарни, гдѣ спалъ я, ягненкомъ, врагомъ волковъ, которые противъ нея враждуютъ, я возвращусь поэтомъ, съ другимъ отнынѣ голосомъ, съ другими волосами, и надъ источникомъ моего крещенья приму вѣнецъ».

Se mai continga che 'l poema sacra,
 Al quale ha posto mano e cielo e terra,
 Sì che m'ha fatto per più anni macro,
 Vinca la crudeltà, che fuor mi serra
 De l' bell' ovile, ov' io darmi agnello.
 Nimico a' lupi che gli danno guerra;
 Con altra voce omai, con altro vello
 Ritornero poeta, ed in sul fonte
 Del mio battesimo prenderò il capello.

Такимъ образомъ послѣ столькихъ разочарованій онъ лелѣялъ надежду, что возвращеніе на родину, котораго онъ не могъ достигнуть силой ни примиреніемъ, будетъ ему доставлено его поэтической славой, когда великое произведеніе, вполне законченное, представитъ передъ взорами всѣхъ. Онъ не дожидъ до этого. 14-го сентября 1321-го года онъ скончался въ возрастѣ 56-и лѣтъ. Гвидо Новелло похоронилъ его съ большими почестями; но, будучи самъ вскорѣ изгнанъ изъ Равенны, онъ не могъ поставить ему такой памятникъ, какъ предполагалъ. Лишь значительно позднѣе (1483) Бернардо Бембо, отецъ знаменитаго кардинала Піетро, велѣлъ украсить памятникъ сохранившимся донынѣ барельефомъ Піетро Ломбарди; но

приказанію кардинала-легата Доменико Марія Корси вся часовня въ 1692-мъ году была перестроена, и въ 1780-мъ году она получила черезъ посредство кардинала-легата Луджи Валенти Гонзага тотъ видъ, въ которомъ она находится и понынѣ, рядомъ съ старой церковью францисканцевъ. Флоренція, бывшая мачихой для поэта, когда онъ жилъ, и не потерпѣвшая его въ своихъ стѣнахъ, потому что часто выказывала раскаяніе, но тщетны были ея усилія получить прахъ мертвеца, она должна была ограничиться тѣмъ, что воздвигла ему саркофагъ въ Santa Croce (1829). Шестисотлѣтній юбилей дня рожденія Данте въ 1865 году вызвалъ въ цѣлой Италиі грандіозный взрывъ патріотизма, и во всѣхъ значительныхъ городахъ ему были воздвигнуты статуи.

Данте, послѣ смерти Беатриче съ такимъ жаромъ отдавшійся философскимъ занятіямъ, потомъ все болѣе и болѣе обращался къ теологіи, которая въ то время находилась въ самой тѣсной связи съ философійей. Эти занятія облегчили скорбь изгнанника; наука откровенія сдѣлалась для него второй утѣшительницей, небесной Беатриче. Первую Беатриче замѣнила Donna gentile, философія, внушившая вторую серію лирики; эта утѣшительница въ позднѣйшее время должна была подчиниться другой, второй Беатриче, теологіи, которая аллегорически является въ этомъ чистомъ и дорогомъ образѣ возлюбленной юныхъ дней и внушаетъ великое поэтическое созданіе, «Божественную Комедію».

Человѣкъ, не принадлежавшій къ духовенству и воплощавшій въ себѣ такую ученость, какъ Данте, былъ въ то время возможнымъ явленіемъ только въ Италиі. Данте знаетъ классическихъ поэтовъ, Горация, Овидія, Лукана, Теренція, Стація и того, кого онъ считалъ величайшимъ изо всѣхъ, Виргилія; онъ читаетъ Аристотеля, Боэція и Туллія, онъ читаетъ также Альберта Великаго, Фома Аквинскаго и Бонавентуру; онъ пишетъ на латинскомъ и на народномъ языкѣ о высокихъ проблемахъ, о вопросахъ философіи, политики, филологіи и поэтического творчества, создаетъ столько различныхъ произведеній, изъ которыхъ каждое важно и характерно. И современники, и потомки смотрѣли на него, какъ на чудо знанія и умственной глубины, и онъ былъ имъ въ дѣйствительности. Но не нужно представлять его себѣ какимъ-нибудь великимъ реформаторомъ въ области мышленія, основателемъ какой-нибудь новой эры. Это великій человѣкъ, но человѣкъ своего времени; онъ не выходитъ за его предѣлы, но глубоко коренится въ немъ, онъ является самымъ полнымъ, самымъ живымъ выраженіемъ итальянскаго средневѣковья, воспринимаетъ его идеи, его ошибки и предразсудки, но также его мощь и его величіе. То была эпоха, создавшая столько сильныхъ характеровъ, столько цѣльныхъ людей, давшая развитіе могучимъ страстямъ, еще не обузданнымъ успѣхамъ культуры. Таковъ и Данте, и такимъ мы его узна-

емъ въ томъ немногомъ, что намъ осталось изъ рассказовъ о его жизни, и, еще болѣе, въ его произведенияхъ; мы видимъ великій характеръ, непоколебимый въ несчастіи, твердый въ рѣшеніяхъ, послѣдовательный въ томъ, что онъ считаетъ истиннымъ и справедливымъ, исполненный живой вѣры, при этомъ впечатлительный, страстный, способный на самыя нѣжныя и на самыя мрачныя ощущенія.

Послѣднимъ и высшимъ результатомъ жизни Данте и его занятій, высимъ поэтическимъ выраженіемъ итальянскаго средневѣковья вообще является «Божественная Комедія».

XI

БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДІЯ